

Волшебные
ИЛЛЮЗИИ РАЗУМА

Ольга Камарго

Волшебные иллюзии разума

«Издательство Интернационального союза писателей»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Камарго О.

Волшебные иллюзии разума / О. Камарго — «Издательство
Интернационального союза писателей», 2026

ISBN 978-5-6050652-8-9

Казалось бы, иллюзия — вещь опасная, ведь это обман чувств, заслоняющий реальность, но только если создаётся с недобрым умыслом. Когда же фокусник-иллюзионист дарит другим сказку и чудо, она становится поводом для радости и даже помогает увидеть правду, раскрыть для себя новые возможности. Сказки Ольги Камарго — именно такого рода. Их герои: умные, добрые звери, по-андерсеновски выписанные предметы, люди или совсем необычные существа — живут своей жизнью и ищут дорогу в ней. Это бывает нелегко, поэтому не всё в сказках мило и бла-гостно, но всё-таки в них много радости и света, они пронизаны любовью, которая в итоге обязательно победит.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6050652-8-9

© Камарго О., 2026
© Издательство Интернационального
союза писателей, 2026

Содержание

Сад расходящихся сказок	6
Из Волшебного леса	8
Слон в посудной лавке	9
Зачем нужен полный песец	10
Потеряшка	12
Лесной детектив	13
Львиная сага	15
Царское дело	20
Взросление	22
Лесными тропами	24
Добрый Ёжик	26
На воздушном шаре	29
Мартышкины гримасы	30
Вселенский заговор	31
Как воду мешком носили	34
Жаркая переправа	36
Мартышкин дом	38
Как в лесу налоги собирали	40
Деловое соглашение	43
Великое переселение	45
Перемирие	47
Волею судьбы,	49
Судьбоносная нить	50
Рог изобилия	51
Тому, кто прочтёт это письмо	52
Конфликт	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Ольга Камарго

Волшебные иллюзии разума

© Ольга Камарго, 2026

© Интернациональный Союз писателей, 2026

* * *

Сад расходящихся сказок

Мы, пишущие люди, можем всех, кто возьмёт в руки наши творения, разделить на две группы: те, кто верит в сказки, и те, кто в этом не сознается. Всеми остальными, как говорят циничные учёные, мы можем пренебречь. Мы пишем не для них.

Как можно не верить в сказки, если они есть? Не верить в сказки – это не просто быть слепцом, а самому себя осознанно обрекать на слепоту. Это же очевидно: сказки есть. Просто не все и не всегда они живут в том же измерении, что мы с вами. На то и есть пишущие люди, чтобы раскрыть портал в тот мир, в котором живут сказки. Для того люди иногда и пишут – чтобы либо открыть сказкам проход в наш мир, либо кого-то из нашего мира выпустить ненадолго (ровно на время чтения!) в мир, где живут сказки. Миров таких, в которых живут сказки, довольно много. У каждого из пишущих людей – по несколько сразу. А иначе зачем всё это затевать... Что-то там придумывать, что-то там сочинять. Потом садиться за стол – что-то там писать. А ещё стараться подобрать те самые слова, чтобы передать будущим читателям, как выглядит та самая отдельно взятая сказка, которую ты увидел... Ну не сочинил же! А именно увидел! А потом ещё и переживать: так ли описал увиденное, похоже ли получилось на оригинал...

Этим, собственно, и занимается Ольга Камарго. В её творческом маршрутизаторе забиты координаты сразу нескольких таких миров, где живут сказки. Как известно, фольклористы выделяют три разновидности сказок: сказки о животных – это, по сути своей, басни; бытовые сказки, они же притчи; и, наконец, аристократы мира сказок – сказки волшебные. Выдающийся русский филолог Владимир Пропп называл их мифическими. Это мифы, а подчас и магические обряды, изложенные в доступной для простого читателя форме. Всё это есть в книге «Волшебные иллюзии разума», в которой для каждой сказки заготовлена своя тропка.

Всё, в общем-то, по классике. Открывают книгу сказки о животных. Первым делом писательница приглашает читателя на прогулку по волшебному лесу. Первый раздел книги так и называется – «Из Волшебного леса». Здесь всё происходит именно по сказочной классике. Если встречается Слон, то он обязательно «большой, добродушный, сильный». Он дружит с Медведем и ходит к Лисице на открытие посудной лавки. А там уже собрались «барсуки, зайцы, олени, бобры, волки и много-много кого ещё из леса, воздуха и воды». А ещё «прилетали орлы и чайки, приходили и разные носороги, тапиры»... Есть в этом лесу и Песец, и он, конечно же, «полный». Есть Лев, Цапля, Сова и Добрый Ёжик... Есть и странный неопознанный зверь Потеряшка; кто это – автор предлагает пофантазировать каждому читателю персонально. Целый раздел книги посвящён мартышкам и прочим обезьянкам. У них всё как у людей: они не только дома строят, но ещё и налоги собирают...

Другая тропка, протоптанная писательницей для своих читателей, ведёт за пределы разума. Третий раздел сборника называется «Волею судьбы, или За пределами разума». Тут всё уже не так просто, как в зверином лесу, тут уже каждая невероятная история наполнена глубоким философским смыслом. Тут действуют не только простые люди – есть и Сталин, и Киров. А что такого? Правители прошлого уже давно превратились в архетипических героев мифов. А уроки, которые мы можем почерпнуть из их поступков, подобны притчам. Впрочем, есть тут и просто притчи. Есть и ангелы, и инквизиторы...

Про раздел «Стихийные сказки» хочется сказать просто и кратко: это просто красиво! Хотя нет-нет-нет – красиво, но не просто. Ведь где звучат названия стихий, там всенепременно возникает алхимия; без алхимии слова и смысла не обходится и тут.

Изучили четыре основные стихии, дорогой читатель? Познакомьтесь и с пятой. Очередной раздел книги называется «Пятая стихия, или Дело рук человеческих», а вслед за ним – «Целый мир внутри себя». Пойдя по этой тропинке, читатель столкнётся со всевозможными

проявлениями человеческих отношений. Великий алхимик Гермес Трисмегист говорил: «**Что наверху – то и внизу, что внизу – то и наверху**», а мы перефразируем его: что внутри – то и снаружи, что снаружи – то и внутри.

Тема эта развивается в разделе «Человеческие истории», продолжается в разделе «Любовь одна виновата» и подытоживается в разделе «В любви и согласии...».

Наиболее зрелый с литературной точки зрения раздел книги – «Через время и пространство». Он финальный. Что решительно говорит о том, что у писательницы с чувством композиции всё очень хорошо; рассыпь разрозненных и часто разноплановых историй предстает перед читателем как единый организм, эдакий осьминожка, распускающий свои щупальца по направлениям разных жанров, стилей и художественных традиций.

Кульминационный рассказ сборника – «Бездна». Тут только успевайте загибать пальцы на каждую культурную аллюзию, которую успеете заметить. Здесь не одна Алиса, а сразу две – Алиса Иванова и Алиса Золотова. Первая, молодая, проваливается в иной мир и встречает там вторую – опытную и успешную. Жизнь обеих меняется. А иначе, как говорится, – зачем...

Вот так в разные стороны, словно тропки в саду, описанном некогда мифологом-рассказчиком, литературным магом Хорхе Луисом Борхесом, из центра, которым является каждый пишущий человек, расходятся сказки. Только успевайте найти свою – и в путь за ней. Путеводитель у вас под рукой.

*Андрей Щербак-Жуков,
поэт, прозаик, критик*

Из Волшебного леса

ИЗ ВОЛШЕБНОГО ЛЕСА

Слон в посудной лавке

Жил-был Слон. Большой, добродушный, сильный. Вот только жил он не в пустыне, а в лесу.

Бывает, захочет он пообщаться. Не всё же на водопое околачиваться. Слон не хищник и хороший друг, всё время помогает. То спину подставит, то хоботом достанет, а то и поднимет повыше на дерево. Но обязательно разруху после себя оставит: зайцу нору затоптал, барсуку землетрясение устроил. А то и вовсе затеял поливать засыхающие деревья – пронёсся, как торнадо. Такой хруст стоял в лесу – никто глаз не казал, боялся.

Но доброты в нём было столько, что ещё на пару слонов хватило бы. И, конечно, отказывать ему не любили, тем более что и просил он редко. Вот Лисица открывает посудную лавку – захотел прийти в гости. Тем более что сам ей брёвна таскал, да не просто, а ещё требовалось повалить деревья, отнести, помочь сложить в эту самую лавку.

И вот с Медведем пошли они к Лисице на открытие. Столько народу собралось: барсуки, зайцы, олени, бобры, волки и много-много кого ещё из леса, воздуха и воды. Здесь была зона водопоя, и охотиться не полагалось.

Собрались все. А Слон – только повернулся, ничего и сделать-то не успел – хвостом зацепил дорожку вазу... Вдребезги. Взялся воды в самовар налить – выдул из хобота столько, что едва не смыл всю лавку. Вышли все из лавки к водопою – и тут почти дверь выломал. Никто ему ничего не говорил, но он и сам видел и расстраивался.

– Ты, Слон, занялся бы танцами, что ли... Лучше бы чувствовал свои размеры, – мягко сказал Медведь. (Он, конечно, тоже не маленький, однако умеет тихо войти и выйти.) – Цапля вон, посмотри, какие уроки даёт – может, и понравится.

Последовал Слон доброму совету, пошёл к Цапле просить, чтобы научила его. Только тогда, когда никто не видит. Цапля тактично его расспросила, зачем ему самому это нужно. Выбрали время, стали заниматься.

И вскоре стали замечать, что он меняется. Напевает себе под нос, пританцовывает, когда думает, то его никто не видит. Всем было любопытно, но Цапля строго-настрого запретила Слона расспрашивать.

И правда спокойнее стало в лесу. Слон теперь аккуратнее двигался. А хозяйка лавки в хорошую погоду открывала большие окна и выносила стол с самоваром и чаем на улицу, чтобы всем хватало. А там и тент стали натягивать в непогоду.

Стало это место оживлённым, здесь теперь было принято бывать и собираться. Прилетали орлы и чайки, приходили и разные носороги, тапиры. Как-то зашёл даже сам Лев и подивился тому, как Слон научился вписываться в повороты. Он не мог заходить всё время, а вот его супруга иногда навевывалась. Слона все знали и любили за мощь, отзывчивость и за то, что он мог «замолвить словечко». Так и получилось, что стали многие приходиться пообщаться, обменяться новостями и за помощью. Здесь не принято было жаловаться или просить протекции. Просто обсуждали текущие задачи и спрашивали совета. И частенько бывало, что и помощь более действенная находилась там же, и задача становилась полезной не только для зачинщика. Сюда приходили с хорошим настроением, не обременяя окружающих своими переживаниями. И поддержка приходила тому, кто готов был слышать иные мнения кроме своего собственного. Здесь никто не сводил счётов и не выяснял отношений: зона водопоя священна.

Зачем нужен полный песец

Жил-был полный Песец. Да-да, именно он. Маленький полный полярный лис. Умел он пороху навести. Пробежит по снегу, следы хвостом заметёт, а тени и мусор останутся.

Питался он эмоциями, но на его долю доставались негативные. Чует он, например, страх, раздражение, злость – и сыт. Вроде и не делал ничего, а все перессорились, деньги пропали, дом рухнул.

И как будто в насмешку был он при этом возмутительно белым, до рези в глазах, с голубыми бликами. На снегу смотрелся изумительно: белее жемчуга, чище и свежее, но с ним неизменно приходили раздор и разруха.

И вот как-то, прячась между корнями, он услышал разговор:

– Да гнать его из нашего леса! Только неприятности несёт.

– А ведь до чего красив, подлец! Что ж он, специально, что ли?

– Не всё ли равно, специально или нет?

– А тебе, Лиса, лишь бы на кого спихнуть. Кто вот в прошлом месяце всех соседских кур поворовал?

– Так следы-то его!

– Передо мной не хитри, я всё знаю. Твои следы он замёл, а свои не успел: убежали-то врозь.

С Совой было опасно спорить, говорила она редко, но метко. Да и знала всегда больше, чем говорила. Откуда только, никто не догадывался.

– Да и мне он дичь носит, когда у него в избытке. За что вы на него ополчились?

– Никто толком не знает, почему он такой... наглый и упитанный.

– Так это же зависть! Ты вот, Заяц, чего громче всех голосишь? Разве он тебя не спас от Волка? Память короткая?

– Когда это? – Заяц возмущённо захлопал ушами.

– Да этой зимой, когда твой дом рухнул и ты нашёл для своего семейства новый. Кстати, он тебе и показал ту пещеру, даже научил прятать следы. И это – твоя благодарность?

– Так это он мой дом обрушил! Какие волки?

– А волки по следу шли. И не ври, что не знал.

– Я петлял сам, – обиженно надулся Заяц. – А потом снег сошёл, и мне пришлось пробираться глубоко под снегом к своим... Ой!

– А ты, Волк?

– У меня как раз всё в порядке с памятью. Я адвокатом пришёл.

– Ты? Сам?

– И сам, и Медведь просил. Песец ему малинники разведывает и про тропы охотничьи сообщает.

– А тебе?

– А мне он Волчонка спас. Он загулялся да попал на охотничьи тропы. Его и убили бы: на снегу хорошо видно. Так Песец его собой закрывал, чтобы не засекали издали. А вечером, когда мы уже с ног сбились, привёл его и про охотников рассказал.

– Но он же никогда не говорил...

– А надо, чтобы всем докладывал?

– А вот почему он всегда там, где что-то происходит? – вдруг загалдели все вместе.

Сова ухнула:

– Потому что жить не боится – жизнь рядом с ним и кипит. Лису вот, между прочим, предупреждали, что у курятника засада. Зачем пошла, рыжая? Песец-то не сам туда побежал, это твой курятник.

Лиса понурилась:

– Я-то думала, там только капкан. А их-то я обхожу.

– Вот. А туда же: «Держи вора!»

Спустился немного ниже Бельчонок.

– Он и мне помогал. Предупредил про охотников и маме не сказал, что они меня чуть не засекли. А сейчас он болеет и не сознаётся.

– И что с ним?

– Да грустит всё. И лапу защемил, а ведь он один, даже выйти не сможет. А лапу защемил, когда помогал Оленёнку открыть капкан.

– Так чего же мы все его ругаем? – ухнула Сова. – Нагнетаем ему неприятности? Надо его проведать! Волк, ты куда?

– Я к Медведю за малиной! Ты, Бельчонок, тащи свои орехи. Мы тоже чего-нибудь вкусного принесём. – Волк был дипломатом и решил, что, пожалуй, не стоит говорить при всех, что у него припасено... Но Песец-то – хищник... Обрадуется, наверное.

Сова взяла с собой отвар. Лиса тоже воздержалась от огласки, но взяла с собой запасы, и вся компания пошла проведывать больного, хоть и полного Песца.

Сейчас вид его был не настолько беззаботным, и он не лоснился. Песец не подал виду, что он почти всё слышал, и радостно принял делегацию. Они очень позитивно и весело пообщались. И, кажется, только сейчас они начали учиться ценить друг друга.

Потеряшка

Жила-была Потеряшка. Отбилась она от своих, заблудилась в лесу. Своих несли в корзине, к людям, чтобы их порадовать праздником: Новый год всё-таки. И вот часть их испугалась, что её съедят вместе с пирожками, и стала Потеряшкой.

Сначала она сидела под кустом, чтобы не нашли. Потом ползла по оврагам, чтобы не съели, и наконец заблудилась.

В лесу было холодно, голодно и страшно. Где-то шумел праздник: и впереди, и позади, – но здесь было привычно тихо и пусто. Потеряшка давно сбилась с пути, следы свои сама добросовестно запутала, и, куда теперь идти, не представляла. Звать на помощь было страшно.

На празднике уж точно веселее, чем здесь. Но шум везде одинаковый. Идти обратно – тоже надо дорожку искать, хотя...

Потеряшка стала искать следы и принюхиваться. Она нашла четыре тропы, везде запах был знакомым. Она стала исследовать тропы и увидела, что все они то сходятся, то расходятся в одном месте. Станешь тут следопытом! Следы повсюду, только вот где и чьи? Была ещё и пятая тропа, которая пересекала эти четыре и уходила в неизвестном направлении. Распутывать клубок следов ей не хотелось, и она сначала пошла по этой тропе. Но та петляла и делала круг почти через весь лес, возвращаясь к началу. Именно это и создавало путаницу.

Нашлась и шестая тропа, тоже чуть пересекающая и возвращающаяся частично, а частично уходящая в лес.

Потом она исследовала четвёртую тропу, что шла из нескольких источников. Тропа в одном месте пересекала саму себя и шла обратно.

А вот три оставшиеся были паутиной в буквальном смысле этого слова. Причём одна тропка светилась, пока не дошла до клубка, а потом терялась. Потеряшка прошла по ней – но где она продолжалась после того, как пересекла несколько раз две другие, было непонятно.

И тут она услышала, как её зовут:

– Потеряшка! Потеряшка!

Она уже намёрзлась, а главное, глядя на все эти тропы, поняла, что они возвращаются обратно. Она и не знала, что светится в темноте, зато думала, что слышат, как она зовёт на помощь, – а она прыгала и звала. Её увидели как прыгающий шарик: кричала она слишком тихо...

– Да вот же наша Потеряшка! – с облегчением сказал кто-то, и она прыгнула в корзину. Там было сухо, тепло и свободно, а она так устала, что уже и не думала, куда её несут, чего там ждать... как будто знала.

– Потеряшка, где же ты была?! – радовались друзья. – Как не стыдно не слушаться?

И она радовалась вместе с ними, праздник был в самом разгаре, и они веселились уже в полном составе. Было жарко и весело, Потеряшка отогрелась и заразилась общим весельем и бодростью. Все они здесь прыгали и светились, создавая настроение.

– Потеряшка, да ты же выросла в пути! Смотри-ка, в снегу вся, давай чиститься!

Но меньше она не стала, когда ей помогли стряхнуть снег. Но отдыха и помощи оказалось достаточно, чтобы она стала со всеми прыгать и светиться.

Лесной детектив

На окраине самого дремучего леса стоял небольшой симпатичный домик. Он был окружён красивым садиком, которого, казалось, давно не касалась рука человека. Перед домиком росли самые разные цветы: и флоксы, и тюльпаны, и анютины глазки, и розы. Едва заметные дорожки, укрытые тенью фруктовых деревьев, вели в садик, на задний двор. Абрикосы и персики, яблоки и груши, сливы и раскидистая шелковица перемежались с ягодами: земляникой, кустами красной и чёрной смородины, крыжовником, малинником, ежевичником. Словом, то, что выглядело заброшенным, на самом деле укрывало от любопытных глаз, создавало тишину и спокойствие. Вход в эту небольшую усадьбу загораживала беседка, густо увитая виноградом.

Жила там... нет, не принцесса, не королева, не Дюймовочка, не фея, не волшебница, а просто Девушка. И умела она становиться невидимой, беречь тишину и быть наедине с собой. Она не общалась с соседями, они едва ли быстро вспомнили бы её. Девушка куда-то уходила, всегда в разное время, откуда-то возвращалась, чаще всего очень поздно. Встречаясь с кем-то случайно, она была доброжелательна, но замкнута.

А ещё она умела разговаривать со зверями и птицами, читала книги, слушала музыку и не стремилась к общению с людьми. Иногда кто-то из живности навевался к ней: у неё всегда были припасены сахар, просо, хлебушек. Наносил визиты и Камышовый Кот. Большой болтун и хулиган, он любил, когда его чесали за ушком и подкармливали. Проводывал Медведь попить чайку, в малиннике полакомиться ягодами да посплетничать.

Девушка и сама иногда ходила в гости по лесным дорожкам. Все знали, что она подкармливает зверей и птиц, что она дружна с Медведем, никто бы её не обидел.

И вот как-то собралась она погулять по лесу. Перед выходом, как всегда, закрыла дом и калитку на задний двор, заперла ворота. Вернулась – всё открыто, следы чьи-то. Хозяйка на первый раз подумала, что сама по рассеянности что-то забыла. Какое-то время ничего подобного не повторялось.

Через несколько месяцев Девушка собралась в гости к Обезьянке. Жила та на другом краю самого дремучего леса, добираться было довольно долго, но у неё всегда было интересно и весело. Вернулась домой Девушка через пару дней – и снова калитка открыта, запас орехов явно уменьшился. Когда к ней наведлся Камышовый Кот, она его спросила, не пахнет ли мышами или крысами. Посмотрел он на неё внимательно, исследовал местность и не нашёл следов ни тех, ни других.

Однако орехов-то ощутимо меньше стало. Да и скорлупки за собой никто не убрал... Зашёл Медведь её навестить:

– Ты слишком уж здесь гостей жалуешь. Ладно, я хоть спрашиваю, пустишь ли на чай. А вон зайцы и белки – вообще беспардонные ребята, отсиживаются у тебя тут, от волка прячутся. Птицы по деревьям советы устраивают в любое время суток. Лисы у порога караулят, ждут, пока ты их покормишь. Вот и допрыгалась. Слова «нет» не знают. В твоё отсутствие сами пришли и взяли, разве это дело? – вразумлял Девушку Медведь. – Я вот слышал, что бурундуки даже на зиму не запасаются. Ты ж им и показала, что всегда покормишь, они и обленились. Приходят всегда с пустыми лапами в гости. Не удивлюсь, если они у тебя тут вечеринки и устраивают, причём с твоими же запасами.

И решили они устроить засаду. Девушка спустя какое-то время засобиравшись к Обезьянке погостить. Взяла гостинцы, сказала бурундукам, что её несколько дней не будет. И на пару с Медведем оставила под кустом запас орехов и настойку из ежевики, вроде бы забыла убрать. А запах от них такой, что издали учуешь – слюнки потекут. Сделала вид, что ушла, а сама в доме закрылась. И Медведь затаился за малинником – наблюдать. Сидят, ждут.

Первый вечер всё было тихо. Под утро, когда Девушка с Медведем пошли к Обезьянке, они заметили Бурундука-соглядатая под деревом. Вернувшись к Обезьянке, Девушка сделала вид, что проснулась утром в гостях, и вышла, чтобы все её увидели, когда солнце встало. Медведь же ушёл спать перед вечерним дозором. Болтушка Обезьянка никому ничего не сказала – и по дружбе, и потому что была себе на уме.

Во второй вечер они сели в засаду, когда уже стемнело. И застали там целое семейство бурундуков, таскавших запасы. И не только оставленные на виду – замки они, конечно, не научились вскрывать, но дверь в кладовую прогрызли. Девушка хотела уже звать на помощь Волка: он в лесу за постового, но Медведь остановил её. Он услышал, как бурундуки договаривались позвать ещё пару семей и сусликов, показать, где кормятся. Расстроилась она, но решила, что стоит ещё и завтра в засаде посидеть. Но утром снова проснулась у Обезьяны, а Медведь видел Бурундука поблизости.

Третий вечер начался после того, как она на виду у всех ушла спать. Пришли – а там пир горой у бурундуков и сусликов. Настойки пьют, орехи и сухофрукты из подвала трескают да разговаривают, причём громко, не стесняясь.

– Добрая она у вас.

– Да уж, добрая. Видите, какая богатая – должна делиться, а даёт-то мало, самим приходится брать.

– Не вы ж ей помогаете запастись.

– Это же её дом. Какая разница, кто запасает? Должна думать не только о себе. Кормушки нам поставить, у нас же семьи, кормить их надо.

– Богатые все жадные. Но вы же частенько в гости к ней ходите.

– Да где ж частенько? Она всё время где-то. Даже дома может закрыться, будто её нету. Тут ещё повадилась в гости ходить. Ни о ком, кроме себя, не думает, кладовые даже запирает. Мы что, с голоду должны помирать?

Медведь в кустах посмотрел на неё и спросил:

– Ну что, тебе теперь всё понятно?

Девушка грустно кивнула. Выпив уже достаточно, бурундуки начали безобразничать и снесли часть цветника. Но Медведь не дал вмешаться, увёл её обратно к Обезьяне. По дороге они зашли к Волку и обо всём ему рассказали. Бригада лесной полиции вышла на место, пообещав только напугать.

А Медведь объяснял расстроенной хозяйке:

– Понимаешь, ты сама это допустила. Теперь нужно починить все двери и замки и разобрать полки. И прекращай их кормить, ты их сама развращаешь. Каждый своё дело сам делает, какое ему полагается. У них – своё, у тебя – своё. И бед всем выделено. Если со своими делами управилась, можешь им помочь, но не делать за них. Не научатся иначе твои подопечные жить.

А утром грянуло. Девушку вызвали постовые, показали следы погрома. Они застали несколько зверьков на месте преступления и спрашивали, будет ли хозяйка требовать возмещения ущерба.

Возмещения она не стала требовать. Но двери для гостей закрыла. Замки были починены, ажурная калитка среди винограда затерялась, запертая. Цветник восстановили и беседку, защищающую малинник от непрошенных гостей. А Камышовый Кот заметил, что если держать двери закрытыми, то не будет искушения нарушать границы. Если же ей хотелось покормить кого-то, то она оставляла подношение в лесу: кому-то – под пеньком, кому-то – на дереве.

Львиная сага

Жил-был Лев. Шёл он по дороге – вокруг незнакомые места, болото непролазное. Впечатление, будто связан по всем лапам, – шевелиться всё труднее. Только болота на его пути быть не должно – он явно заблудился. Он ступил в яму и едва не упал.

Лев посмотрел вокруг себя, но увидел не болото, а пески, зыбучие, значит. И он довольно долго по ним шёл. Точно заблудился. И не прыгнуть – шаги тонут, лапы связаны песком едва не по плечи, опоры нет.

Идти вперёд было бессмысленно, идти вбок, попытаться обойти – ещё больше заблудиться да и на лапы не встать. Идти назад? Расстояние, по его прикидкам, приличное.

Но стоять без дела он не привык. Он нашёл взглядом брошенную им сломанную доску для сёрфинга: шёл-то на море – и двинулся к ней. Сначала было всё то же самое. Широкие шаги не получались, лапы путались, и легче не становилось, только доска маячила на горизонте, и закрадывалось подозрение: а не мираж ли это? И очень хотелось пить. Но он шёл, хотя даже не видел собственных лап в песке и ощущал связанность.

Времени было уже много, стемнело, но ложиться спать Лев опасался. И он шёл, медленно и маленькими шажками, но неукошнительно.

Взошла Луна, в эту ночь полная, и он увидел широкую лунную дорогу и свою доску прямо на ней. Идти было ещё довольно долго.

Но и Луна его увидела. Это была дочь Солнца, и обычно она видела Льва спящим или в засаде. Не будить же правителя дня во время своего владычества. И она мягко, по-женски спросила:

– Что делаешь ты, сын Солнца, один и в такой час? Да ещё с доской для сёрфинга... Ты, кажется, заблудился?

Лев подозрительно покосился на неё. Он знал, что благодаря ей многие представители фауны ведут себя странно. Но он понимал, что Луна не просто так над ним висит, она повелевает ночью, а также приливами и отливами. А ещё он понимал, что очень устал, что ошибся и оказался не в том месте и не в то время. И гордый сын Солнца склонил перед ней голову:

– Да, царица ночи, я сбился с пути.

– А зачем тебе верёвка на лапах? – с любопытством поинтересовалась она. – Ты же не собираешься кидать доску до дерева?

И тут Лев вспомнил, что привязывал доску верёвкой, когда нёс её на плечах. А потом, когда думал, что она ему только мешает, в сердцах бросил её и поломал.

Луна ласково смеялась:

– Дети Солнца терпением не отличаются!

– Скажи, а зыбучими песками тоже ты управляешь?

Луна удивилась, потом снова засмеялась:

– Зыбучими? У страха глаза велики... Я-то ими управляю, но здесь нет зыбучих песков, только обыкновенные.

Лев задумался:

– Я ушёл к пустыне?

– Да, и довольно далеко. Тебе придётся вернуться... Почему ты говоришь, что доска сломана? Она цела. И Компас, что ты бросил под ней, – тоже. Но мне казалось, ты предпочитаешь карты?

Лев удивился её памяти и кивнул:

– Так оно и есть, только здесь нет указателей и табло не светится. Да и на доске карта есть. А вот с Компасом не дружу.

Луна задумалась. Лев стал снимать верёвку с лап. Сначала больше запутывался, зацепить было нечем: на многие километры вокруг пустыня, – а идти со спутанными лапами он будет очень долго. Оставалось только направиться к доске, но и она, кажется, не лежала на месте.

– Она всё ещё привязана. Просто верёвка стала длиннее, и тебе не видно. – Луна как будто наблюдала за ним.

Лев зацепил верёвку, зажал ее лапой, потянул немного – и сеть стала свободнее, тогда он вытащил лапы одну за другой.

– Видишь, как важно успокоиться! Тогда и твоя неиссякаемая сила духа тебе поможет.

Лев снова изумился, а Луна засмеялась:

– Да-да, знаю твои сильные стороны. А вот знаешь ли ты свои слабости?

Луна осветила не только его с верёвкой и доской, но и Компас, неизвестно откуда здесь взявшийся. Лев сел сверить карту на доске с помощью Компаса. Он нашёл на карте то место, где вышел, и то, куда шёл. Увидел, что пропустил поворот и ушёл вперёд, к пустыне. Куда он направился, вроде понял. А вот как вернуться?

Успокоившись, Лев стал вспоминать, сколько времени продвигался по пустыне. Но когда он пропустил поворот, вспомнить не мог – не помнил вообще, чтобы поворот был.

– Скажи, повелительница ночи, не знаешь ли ты ориентира на повороте к океану? Мне казалось, это так близко от моих джунглей...

– А как ты хочешь вернуться на путь истинный без ориентиров здесь? – ответила вопросом Луна.

– Что же мне делать? – спросил Лев без отчаяния. – Я хочу дойти до моря-океана. Ну, в крайнем случае вернуться в джунгли: там мне Орёл дорогу покажет.

– У тебя уже есть всё, что нужно. Компас тебе зачем? – И Луна ушла за облако, давая понять, что ей надоел разговор.

– Но он же не мой! Да и немой, – улыбнулся Лев собственному каламбуру.

– Я говорящий! – возмутился Компас. – Наложь меня на карту и иди по стрелке. Только найди место, до которого тебе надо добраться.

Под Луной было всё хорошо видно.

– Магнитное крепление убери! Разбалансируешь!

Лев привязал его верёвкой к доске, найдя на карте море.

– Держись юго-востока, – важно сказал Компас, – а пустыня у тебя окажется с юга.

Луна стала уходить: похоже, скоро начнёт светать.

– Спасибо тебе, ночная владычица, – поблагодарил её Лев. Она на долю секунды ярко подмигнула: попрощалась.

– Пара часов есть, чтобы поспать. Потом станет достаточно светло и можно будет пойти дальше.

Но они пошли дальше и остановились для отдыха позже, когда встретили оазис. Там было достаточно еды, воды и тени, и Лев проспал там несколько часов. Надо было, однако, возвращаться. И как только пошёл на убыль полуденный зной, они снова вышли на дорогу.

– Раз пустыня на юге, значит, нужно идти на север. Только где бы мне свернуть на юго-восток?

Сверяясь с картой, Лев дошёл до поворота и вдруг понял, что, когда в первый раз искал море, поворот был с другой стороны. Он даже не смотрел в ту сторону, а там была явно видна хорошая дорога, живописная, широкая. Может, всё дело в том, что он пытался найти непролазные заросли?

Здесь нашлись и виноградные беседки, и огромные пространства, и хорошая погода. И он вышел к морю... Но это была уже совсем другая история.

Львёнку в своих джунглях было неудобно, хотя и привычнее. Какие-то вещи здесь он лучше понимал, но не был свободен. Будто среди кошек, но не хотел мурлыкать и ластиться, сидеть в тени. Да и кошки раздражали его своими сплетнями, лицемерием и попытками учить вещам, в которых сами не разбирались. Они не прыгали высоко, не охотились, разве что за мышами. Получали свою пайку и могли часами вылизывать шкурку. Львёнок же для них был слишком крупным, независимым и прямолинейным. Выделялся он и неспешностью, и громким рычанием. Как будто свой и в то же время совсем чужой. Оказываясь среди них, Лев отчаянно скучал. И он сделал другой выбор: отправился в свои джунгли. Он с трудом представлял себе маршрут, компанию, даже и конечный результат – сравнивать было не с чем. Зато пришло уже ощущение «не своих» джунглей. Оно появилось давно и, как ни уговаривал он себя, крепло вместе с уверенностью, что он узнает, когда придёт «к себе». Он не простил бы себе, если бы не попробовал, – нечто внутри звало его в путь. Было любопытно и страшно, а оттого и захватывающе.

* * *

В дороге не было той определённости, к которой Лев привык. Не было даже мерила, которое, впрочем, редко себя оправдывало: если ты занимаешься своим делом и несёшь с собой что-то хорошее, от плохого застрахован. По пути хватало проходимцев да злопыхателей разных, но он не нуждался в постоянном попутчике и рассчитывал только на себя. Конечно, он получал помощь реже, чем мог бы, но это относилось и к помехам. Он учился в дороге осторожности, умению за себя постоять и прокормиться... Одни джунгли сменялись другими, как в калейдоскопе, менялись пейзажи, времена года. Львёнок просто вырос, хотя временами ему ещё казалось, что он самый маленький из всех. Нечто необъяснимое внутри вело его, и он ещё не чувствовал своего, но ощущал приближение к нему. Впрочем, то, что было когда-то, он тоже научился ценить, ибо здесь это тоже надо было создавать. Иногда ему хотелось уже устроить своё логово, но скорее чтоб возвращаться туда, нежели жить там без забот.

Как-то после очередной ночёвки на дереве (Львёнок рос с кошками и умел лазать по деревьям) он рассмотрел сверху на пройденном пути огромный завал. Вчера вечером его было не обойти, и Львёнок так и ушёл спать. Он понял по дороге впереди, что приближается к «своим» джунглям, и что-то внутри него самого говорило о том, что он шёл именно сюда. От неожиданности он зажмурился и посмотрел снова. Именно об этом месте он грезил, не зная, где оно. Вот только находилось оно очень высоко, а он был в низине, на дереве. Но это уже его места.

Львёнок пошёл вперёд, к скалам, и увидел, что именно на них раскинулись его джунгли. Слегка разбежавшись, он запрыгнул на первый камень. Здесь было не так уж интересно, да и подозрительно тихо. Он прошёл достаточно долгий путь, чтобы чувствовать враждебную непредсказуемость тишины. Он снова прыгнул – здесь уже слышны были звуки текущей воды, шуршащих деревьев и кустов, животных и птиц. Напившись воды и отдохнув, почистившись, Львёнок отправился на охоту, ибо уже хотелось есть.

Исследуя повадки дичи, разведывая, он прыгнул. Но навстречу ему приземлился огромный гривастый зверь. Он был гораздо крупнее, более подтянутый и тренированный. А грива своим великолепием привлекала к себе взгляд. Этот зверь был и знаком, и незнаком одновременно. Львёнок не мог понять, где он его видел, к тому же что-то в нём завораживало...

Зверь повёл себя в высшей степени странно. Когда оба прыгнули, он опередил. С небольшим опозданием предъявил права на добычу, и они порвали её вместе. И зверь в изумлении отступил, не отводя взгляда:

– Мой бог, прекрасная охотница! Я уступаю тебе с радостью.

«Охотница? О чём это он?» И вдруг в сознании что-то вспыхнуло. То, к чему Львёнок относился с подозрением и небрежным фырканьем всю свою жизнь, причём и в себе, и в других, временами раздражаясь на это нечто женское, а порой пугаясь целой мозаики догадок и неясных предположений. Сейчас же всё это сложилось в единую картину, ясную и до того простую, что даже стало смешно, как можно было этого не понимать. Львёнок-то вырос, но стал Львицей, а не Львом. Отсюда отсутствие гривы и сравнительно небольшие размеры. Только вот охота её развлекает гораздо больше, чем всякие женские глупости...

Впервые в жизни этот Лев заставил её интуитивно прибегнуть к кокетству и женскому очарованию. То, что было ненужной загадкой, вдруг зажглось в ней само собой и заиграло с такой силой, какая и не снилась кошкам, выросшим в ладу с этой самой тайной, культивирующим и утрирующим её.

И Львица, как это ни странно, не стала спорить. Она опустила глаза... От скромности? Нет, конечно. Нужно было справиться с потрясением от этого открытия и не подать виду. Перед ней стоял поистине роскошный мужчина, смотрящий на неё с восхищением. А в её голове мелькнула непрощенная мысль: «Сколько же кошек за ним бегают?!» И она гордо подняла голову.

– До чего же вы прекрасны, незнакомка! В жизни такой не встречал.

Уйти было бы невежливо. Да и как же приятно, оказывается, внимание именно такого: с завидной статью, великолепной гривой, прекрасными манерами.

– Добрый день, сударь, – немного кокетливо и смущённо произнесла она.

– Добрый день, сударыня, – ответил он немного церемонно. – Прекрасное время для завтрака, не так ли? Меня зовут Лев. И я восхищён вашей охотничьей сноровкой.

Она улыбнулась:

– Благодарю вас, вы очень добры. Но ведь вы были первым.

Конечно, это было правдой. Но он хотел отдать ей первенство: чутье говорило, что ей это необходимо.

– Мало того, что вы изысканны и великолепны, вы ещё опасны и умны. Кто вы, гордая амазонка?

– Я Львица, и я путешествую.

– Вот как? Возможно, вы расскажете об этом подробнее за завтраком? Меня очень интригуют путешествия.

Львица согласно прикрыла глаза. Она ведь не знает здешних мест... хотя и чувствует себя здесь как дома. Лев взял тушу кабана и повёл гостью за собой. Они пришли к подножию скалы, которая выступала помостом. Там, в тени деревьев, и расположились. Подбежал неслышно гепард.

– Ваше... – начал было он, но осёкся под взглядом Льва.

– Попроси, пожалуйста, кроликов, – тихо и с достоинством произнёс тот.

Львицу не покидало ощущение, что она где-то это видела... Ощущение дежавю всё усиливалось. Принесли тушки.

– Прошу вас, прекраснейшая. Источник справа.

Сам он пошёл за гепардом, слушая того внимательно, и, похоже, на длинную тираду ответил несколькими словами. Гепард убежал, а Лев вернулся завтракать.

После трапезы хозяин предложил показать путешественнице окрестности. Они гуляли, беседовали и не могли наговориться, будто знали друг друга всю свою жизнь. Им было хорошо, они уже читали мысли друг друга. И Львица впервые не хотела спорить и идти впереди, ей было хорошо от ощущения равноправия.

Они вышли к открытому плато, где к ним присел Орёл:

– Царь, что за царица нас посетила?

– Ах, не сдавай меня, не пугай мою будущую царицу. Понимаешь теперь, кого я видел во снах? Наяву она ещё прекраснее.

– Ты уже сделал предложение?

– Робею... – с улыбкой, непривычно смущаясь, ответил Лев.

Орёл хмыкнул:

– Это добрый знак. Вы даже чем-то похожи. Такие девушки – редкость, не зевай.

– Мы и говорим на одном языке.

– Так иди сватайся, пока не сбежала, и не давай ей слишком много времени на раздумья.

Иди уже, девушка заскучала.

Лев выглядел ошарашенно и взволнованно, удручённо и восторженно одновременно. Он посмотрел в сторону Львицы влюблёнными глазами и подошёл. Она не задумывалась, кто он, с трудом ощущая саму себя.

– Дорогая, я ни от кого не был в таком восхищении, как от тебя. Я царь и прошу тебя стать моей царицей.

Львица кивнула в знак того, что услышала его. У него в глазах она прочитала искренность, некоторый испуг и вопрос.

– Но не слишком мало ли мы знакомы для такого шага? – В её голосе слышалось желание, и Лев улыбнулся ей:

– Это значит, что всё самое интересное ещё впереди.

И под его пылким взглядом она ответила согласием.

Царское дело

Рыжий комок жался под кустом. Рядом гроыхали раскаты, и слышался львиный рык. И от этого комок всё сильнее дрожал. Было непонятно, скоро ли закончится гроза.

– Кто-нибудь видел мою дочь? – доносилось всё ближе.

Под дождём сюда шёл сам Лев. Встревоженный, он свернул у самых кустов, продолжая поиски. Несмотря на грозу, шуршали крылья птиц, искали царевну всем лесом. Конечно, её все знают и никто специально не обидит. Но это лес, всякое могло произойти. Напугали, повредила себе что-нибудь, поранилась. Забот с подрастающей дочерью хватало, где взрослая, рычать учиться, а где дитя горькое. И умница, и красавица, да как будто не от леса сего. Недавно вот ведь что учудила: заблудилась и просидела всю ночь в какой-то пещере. Забилась в дальний угол: там, говорит, теплее. Вроде ничего не повредила, а царское логово с лап сбилось в поисках.

Вот и теперь юная Львица сидела в кустах и дрожала от ужаса. Она не была трусихой, в играх давала фору братьям и в открытых схватках частенько брала верх. Правда, старалась их избегать: её пугали громкие звуки. Опять разыгралась нешуточная гроза, по весне такое частенько случается, и снова она заблудилась, только укрыться не успела. Как ни прижимай уши лапами к земле, всё слышно, да ещё и отец рычит. Хоть вообще в логово не возвращайся, всё равно громко ругать будут.

– Эй, царевна, ты что, не знаешь, что тебя ищут? – возмущённый Орёл легонько клюнул её в темечко. – Ты что с родителями делаешь, непослушница?

Она забилась ещё глубже от этой новой напасти. Ещё и это! Она так напугалась, что просто не смогла ни найтись, ни перепрятаться. Но Лев услышал и кинулся туда, где была его дочь.

– Детка, что с тобой? Кто-то обидел? Ушиблась? – Он был взвинчен, перекрикивал раскаты грома и пытался вытащить её из-под кустов. То ещё убежище, знаете ли! Ни от молнии не уберезёт, ни от дождя – мокрая вон вся.

С трудом достал её и отнёс в ближайшую пещеру. Это не было их логово, но сухое и тёплое убежище, да и тащить её через лес в такую сильную грозу не стоило. Чего только не передумал, пока её искал! А теперь смотрел на перемазанную, испуганную и заплаканную мордочку и радовался, что с дочкой, кажется, всё в порядке.

– Предупреди, пожалуйста, мою Львицу, что она нашлась и после грозы мы придём, – попросил он Орла и тяжело вздохнул: «Вот что с ней делать, спрашивается? Ругать, похоже, бесполезно. Трясётся до кисточки хвоста и молчит. Мать, наверное, помогла бы. Хотя как знать? Львица импульсивна, пока пусть успокоится сама».

Будучи царём, он разбирался в характерах, вот только собственные львицы ставили порой в тупик. Как их понять?

Он увидел, что дочь более-менее успокоилась и даже подняла уши от земли, нос только закрыла лапами и глаза прижмурила. Понимая, что дразнить её бесполезно, он пытался понять, что же случилось.

– Тебя гроза напугала, детка? Опять заблудилась? – Он старался говорить ласково.

– Громко, папа! Все так громко кричат, я ничего не слышала! – жалобно пискнула она.

Теперь он понял. Её ведь раньше не пугали ни грозы, ни сильный дождь, они не заставляли её вдали от логова. Её вообще мало что пугало, не просто так Львица гордилась втайне дочерью, считая более взрослой и умной, чем сыновья.

– Но ведь ты учишься рычать! И это тоже будет громко. – Отец не сердился, и она осторожно высунула нос из-под лап. – И когда я рычу со скалы громко, чтобы все слышали, ты же не прячешься?

– Так ты же не на меня, а вообще. Вот когда на братьев рычишь, прячусь на всякий случай. Это было правдой. На неё саму рявкать было не нужно: росла послушной.

– Детка, привыкай. И твой муж будет рычать когда-нибудь. И тебе на охоте нужно будет.

– Я не собираюсь замуж, – сообщила она отцу.

– Ну и ладно, – неожиданно покладисто согласился он. – Мала ещё. А что собираешься делать?

– Охотиться. А там не надо рычать. Просто нужно молча сидеть в засаде. Вот. И выпрыгивать. – Она открыла глаза. Да, знала, о чём говорила, и уже сделала первые успехи в этом направлении.

– А гиен гонять? – невинно спросил отец. – Это же весело!

Изо всех сил сохраняя невозмутимость, он с любопытством изучал сменяющиеся выражения мордашки.

– Сама решай, – подмигнул он ей, – учиться рычать – или бояться. Когда прыгаешь из засады с рыком, то ты страшнее. Что выбираешь?

Она вздохнула, понимая, что, как царевна, не может отступить.

– Будем учиться, – грустно ответила она. – А мама скажет...

«Что ты девочка и тебе надо быть мягкой», – усмехнулся он про себя. Он-то помнил её маму, свою любимую жену, в то время, когда они встретились: она отличалась замашками сорванца.

– Ничего, маму я возьму на себя, – весело ответил он.

Юная львица повеселела тоже, предвкушая новую забаву.

Гроза прошла, и они отправились домой осваивать игру.

Взросление

Комок жался в кустах. Он помнил себя котёнком. Весело играл и только иногда задумывался. Рос с другими котятами, но в последнее время – больше особняком, ни с кем особенно не общаясь.

В какой-то степени оно понятно: он всё-таки львёнок и перерос тот возраст, когда котята примерно одних размеров. Что рысята, что тигрята, что гепардики, пантерки или ягуарята. Покусы становились всё болезненнее, игры – опаснее. Да и не ладят между собой взрослые хищные кошки.

Как-то котята затеяли сложную игру, и львёнок проигрывал. Он мог не играть, как и его братья и сёстры. Они дружили только с соплеменниками, и не потому, что принцы и принцессы. Никто им об этом не говорил – в животном мире всё иначе. Право на исключительность придётся отстаивать и доказывать неоднократно. От рождения ничего не даётся. Но старшему львёнку было интересно. Да и любопытство сгубило не только кошку. Впрочем, кто он, как не царственный котёнок.

И вот он сидит в кустах. А погоня убежала дальше. Львёнок отстал и заблудился окончательно. Ещё и белки кидаются орехами, ёжики колются, барсук укусил... Меньше всего он походил сейчас на будущего монарха. Темно, страшно, незнакомые звери выходят на ночную охоту. И его наверняка ищут уже. Даже если он сам найдёт дорогу домой, всё равно накажут.

Стать бы белочкой и попрыгать по веткам незаметно. Тогда не надо рычать и кусаться. И мокнуть в кустах – начинается дождь. Спрятался бы в дупле, да и всё. Или, например, стать ёжиком. Уполз, свернулся в корнях клубком – никто и не достанет.

Вокруг никого не было. Запоздалая луна вышла осветить дорогу. Тихо в лесу. Только Филин охотился поблизости, и они пообщались. Но уже утро, птица улетела.

А если...

– Белка, а Белка?

– Ну чего тебе? – отозвалось с дерева.

Львёнка мучила одна мысль... он вышел, потянулся и выпрямился.

– Ого, кто тут у нас в кустах прятался! – насмешничала Белка.

– Я в засаде сидел, поняла? – заявил он тоном, не терпящим возражений.

Белка видела другое, но усомнилась.

– Я тебя спросить хотел. От кого ты прячешься в дупло? На деревьях ведь никто не живёт!

– Ну, кошачьи-то лазают по деревьям, – поёжилась та. – Люди, бывает, с красным цветком ходят. Убивают нас, чтобы шкурки отобрать. Ещё надо успеть спрятаться.

– Барсук, а ты от кого прячешься?

– А я не прячусь. В норе мне тепло и сытно, у меня там запасы. Но люди опасны и для меня. И нора их не останавливает.

Львёнок шёл по лесу дальше.

– Чего это он? – спросила Белка Барсука.

– Чего... чего... готовится править, – пробурчал тот.

Львёнку навстречу шли рысята, из той ватаги, что гоняла его вчера.

– А вот и наша добыча! – сказал заводила.

Но у того даже шерсть на загривке не поднялась. Днём – совсем другое дело, нежели ночью.

– Ты же будущий царь! – говорил Филин. – И ты мало того, что водишься с ними, так ещё и боишься всего. Как ты править-то собираешься? Ты ведь уже большой. Пора отвечать за свои поступки.

Эти слова засели у Львёнка в голове. Всё-таки есть вещи, которые не родители должны объяснять. Или не от них взрослеющее чадо услышит...

– Кто тут добыча? – рявкнул он сильно и громко. Сел и облизнулся. Игры играми, но... – Да и стаей нападать – не рысья повадка, шакаля.

Впервые рык удался. Рысьята бросились врассыпную от неожиданности. Пумы отступили. Тигрята посмотрели с уважением. Они-то сумели бы повоевать один на один, да не захотели. Гепарды могли бы хитрить, да не при тиграх это делать.

Львёнок шёл дальше – не встречать же в чужие разборки. Для волков и лис он был чересчур крупным, коренастым, чтобы с ним связываться. Родители ещё его... Нужны больно потом разборки.

Дорога вела дальше, а преследователи разбежались по своим делам. До него интереса уже не было. Вроде бы...

– Будь всегда начеку! Ты в лесу! – вспомнил он слова Филина.

С детёнышем ягуара они всё-таки подрались, тот начал первым. Родитель противника стоял рядом, но драка есть драка – мешать он не стал. Яростное сопротивление львёнка, первые укусы – и старший волевым решением прекратил бой:

– Хватит, сын. Перевес на стороне льва.

Льва? Победитель осмотрел себя в озере и увидел взрослого хищника. Котёнка не было и в помине. Крокодил из кустов попытался цапнуть его за хвост. Лев подпрыгнул от неожиданности. Знал он этого крокодила. Так и норовит врасплох застать. Игра у него такая. Лапой дал затрещину, и зелёный уполз в воду, бурча:

– Нервный такой... весь в папеньку...

А вот и папенька, лёгок на помине. Идёт, хмурится, бьёт себя хвостом по бокам. Смотрит на сына изучающе:

– Я встретил ягуара, гепардов, пантер. Все на тебя жалуются. Сейчас будет жаловаться крокодил.

Львёнок понурился. Но отец продолжил:

– Я горжусь тобой. И мама – тоже. А теперь беги, успокой её, она потеряла тебя. Мужчина не треплет женщине нервы без необходимости.

Чадо кивнуло и побежало в логово. А Лев сел у озера и сказал задумчиво, скорее самому себе, чем подползающему крокодилу:

– Понял, зелёный? Повзрослел наследник, вырос. Скоро править будет.

Лесными тропами

Лето шло своим ходом. Всё цвело вокруг: поляны, сады и луга... Лишь в лесу в разных местах большими кучами лежали какие-то брёвна и блоки, перегораживая звериные тропы.

Когда-то это был край леса, и некий человек собирался строить дом на опушке. Потом, вероятно, планы поменялись, а материалы остались. Лес разросся во все стороны, и теперь никто и не вспомнит, где всё это брошено. Земли даже и не видно порой. Блоки, шины, брёвна и кирпичи мешали зверям проходить, а население леса росло. Да и люди пакостили – заходя, оставляли мусор между материалами и конструкциями.

Взошло в очередной раз Солнце и озарило окрестности. Оно всегда так делало. Землю и Воду прогрело, Ветер принёс семена и посеял их. Звери гуляли поблизости, птицы пели, все жили дальше...

– Слон, давай уберём камни? – предложил Медведь. – Смотри, какая поляна пустует. Мартышка, помоги.

– Давай, а куда? – подошёл гигант.

– На край вынесем, да и всё. Где теперь край? – предложила Мартышка.

Собрались на уборку и навели порядок. Слон вынес громоздкое и длинное, Медведь – тяжёлое. Подключились и все остальные, вынося всё лишнее. Нашёл ручей под завалом, вода направилась на поляну, поя землю, оживляя её и наполняя озеро. Пронёсся Ветер, разбирая ветви, разнёс семена, очистил воздух. Тропы шли через весь лес, пересекая поляну. Грело Солнце, цвела поляна, гармонию пейзажа больше ничего не нарушало.

– Она очень узкая, тропа ваша! Не развернуться! Для зайца, что ли? – возмущённо трубил Слонёнок.

– Мал ещё – права качать, – ласково шлёпнула его по лбу хоботом Слониха. – Мы же проходим. А мы-то побольше некоторых. Учись, причём тихо. Охотник услышит.

– А он большой? – притихнув, спросило чадо. Его давно пугали людьми, но он их не видел. Кроме недавнего случая, когда заблудились дети.

– Небольшой, но очень опасный. И их может быть много. Вот родственники наши, мамонты, как вымерли?

– Как?

– Загоняли их по одному и убивали. А они родителей не слушались, шумели много, вот их и перебили.

Слонёнок считал себя уже взрослым, но не нашёл что возразить.

– Что за шум? Подрастающее поколение воспитываете? – со спины тихо подошёл мудрый Дикобраз.

– Да уж, воспитаешь их... Все же сами лучше знают... Вот почему мамонты вымерли?

– Маму не слушались и возмущались много, – без запинки, будто слышал Слониху, ответил вновь пришедший. Но он подошёл позже. Просто дети росли у всех, и способы воспитания похожие. – За что ругаешь?

– Так он весь ягодник перетоптал. Медведя разозлил. Шум поднял и людей привёл. А нам теперь хоть переселяйся. Поведутся ходить в лес, там и охотники подтянутся.

– Это были маленькие люди, – жалобно пискнул проштрафившийся. – Таким не дают оружие. Надо же было их вывести! Их бы потом искали, вот!

Дикобраз хмыкнул:

– Добрым растёт. Ничего, тропы смените, не ругай уж сильно. Не так уж легко вас найти. Разве если специально искать.

– Это да. Надо теперь уходить вглубь, а там ещё неизвестно, где кормиться и какие тропы прокладывать, – вмешался Слон.

– Оно всегда так. Может, ещё и лучше будет. Всё по новой.

– Может, и лучше. Так наш неслух будет бегать старыми путями, и все усилия зря, – вздохнула Слониха.

– Ты уж это дело прекращай, Слонёнок, – заметил Дикобраз. – Люди – очень опасные друзья, даже маленькие. За ними обычно идут большие враги. Лучше играйте со зверятами. И учитесь двигаться бесшумно. А то навредите всему лесу.

Собрали звери всех детей и подростков и давай их учить тропы прокладывать да охотников отличать. Видели площадки в лесу? Нет? Вот именно. Они хорошо своих детей учат безопасности.

Добрый Ёжик

Ёжик переругался со всем лесом. Вообще ничего не знают! Всё время рисуют его с яблоками на иголках. Угощают если, то опять этими несносными фруктами... Ну или грибами ещё. Неужели так трудно запомнить? Не ест он их! На дух не переносит!

Так он всем и говорил, споря до хрипоты яростно, что ест он насекомых, лягушек и мышей! Иногда – ягоды и фрукты! Но только не вот это! Да оно ж даже у него на иголках не помещается!

Он всем рассказывал, что он добрый. И ему даже верили. Только... запугал весь лес. С ним уже встречаться стало плохой приметой – к ссоре.

Обиженный на весь свет, пошёл он за советом к Сова.

– Привет, Сова, – говорит. – А вот скажи: почему меня никто не любит?

Сова в принципе ни на кого не обижалась. Но её задело такое обращение. Никто так за советом не приходит. Ну она и молчит в воспитательных целях. Может, поймёт, что неправ, и исправится?

Но Ёжик был не таков. Не привык он в себе причину искать. Всегда у него кто-то виноват. А если не по его – так и грубить начинал сразу:

– Ты что, оглохла? Ты тоже меня не любишь, да? Вот и будь добрым после этого!

Сова поняла, что толку не будет от молчания, не поймёт. Она была мудрой птицей, может, и не такой доброй, как Ёжик. Но зла ни на кого не держала.

– А с чего ты решил, что ты добрый? Кто только тебя воспитывал? В каком лесу?

Надулся было Ёжик:

– Чай, в лесу, не во дворце ж! Я поздоровался! Вот!

– А при чём тут дворец, или лес, или скалы? – ухнула насмешливо Сова. – Ты даже не дождался моего ответа. Не спросил, готова ли я разговаривать. Может, занята?

– Так ты сидишь просто без дела, – искренне возмутился гость.

– И ты решил, что немедленно возьмусь тебе помогать? А с чего? Ты мне чем-то помог?

– А тебе жалко? Жалко, да?

– Жалко. Потому что ты просто не поймёшь. Ты никого, кроме себя, не слышишь. Просить пришёл, а требуешь.

Ёжик сначала возмутился. Потом вспомнил, что с ним и так не хотят разговаривать. Уже многим нагрубил. Но что же делать? Ведь это важно! Никто не хочет знать, что он не ест и не носит на иголках яблоки и грибы! Он же за правду!

А Сова всё сидела и молчала. Смотрела на него внимательно, но будто и не видела. Но и сердитой не была.

– Давай-ка сначала начни, – предложила она. – Вот ты пришёл... Дальше?

Ёжик нахмурился.

– Здравствуй, Сова, – сосредоточенно начал он и замолчал.

– Здравствуй, Ёжик. Рада тебя видеть, – ласково ответила хозяйка. – С чем пожаловал?

– Ты мне поможешь? – уже мягче спросил он.

– Если смогу... Спрашивай!

– Почему никто меня не любит? Я же добрый! Неужели только из-за манер?

– Ну, манеры, воспитание никто не отменял. Это уважение к себе и к другим. Дальше.

С чего ты решил, что добрый?

– Ну, я никому зла не желаю... Зайцев вот провожал. Барсуку с запасами помог... – Ёжик стал припоминать, кому он добро делал. – Никто даже не слышит, что не ем и не ношу на иголках яблоки и грибы!

– Получается, ты добро делал не потому, что хотел помочь? А чтобы получить что-то в ответ? Какой же ты добрый тогда?

Ёжик молчал. Так он явно не думал. Для него-то и так понятно, кто самый добрый в лесу.

– Кто же тебя будет любить, если сам никого не любишь? Да ещё и грубишь... Кто должен помнить про твои грибы – не грибы? Я не поняла, ты хочешь хоть с кем-то ладить и не ругаться?

Ёжик помолчал, подумал: «А может, ошибаюсь всё-таки?»

– Что делать? Сова, научи, пожалуйста! – попросил он.

– Вот тебе задание. Даже два. Первое – здороваться со всеми. Второе – не ругаться.

– Как же, я и так...

– Ёжик, сам не устал? Всё я да я? Постарайся вежливо. Выясни, что другие звери любят.

И увидишь, что будет.

Ёжик разочаровался, но виду не подал. Поблагодарил и ушёл. А дальше действительно стали происходить чудеса.

– Привет, Заяц. Помочь тебе?

– Да, Ёжик. – Заяц нёс тяжёлый мешок. – Там яблоки.

Хотел Ёжик было опять прицепиться, вспомнил Сову, промолчал. Взял мешок с другой стороны.

– Ой, дядя Ёжик! – кинулись к нему зайчата. – Смотри, мы рисовали тебя в школе.

И опять с яблоками на колючках. Но и тут Ёжик сделал над собой усилие. И не пожалел.

– Только нам сказали, что ежи всеядны и едят мясо. И мы нарисовали другую картинку.

Вот!

На новой картинке Ёж ловил гусеницу.

– Молодцы! Это правда! – похвалил гость. А потом помог хозяевам разложить на просушку яблоки.

Шёл Ёжик потом к себе домой, поздно уже было. Белка под его деревом: перепутала дорогу и заблудилась.

– Привет, Белка! – сказал Ёжик и замолчал.

Белка кивнула и глаза было закатила, думала, опять он начнёт ей выговаривать. А он помолчал, а потом спросил:

– Проводить тебя? Или ты ко мне пришла?

От неожиданности Белка зажмурилась:

– Проводи, если нетрудно... Прыгала, да пропустила поворот, наверное.

– Бывает. Пойдём.

Настроение было прекрасное, погода – тоже. Вспомнил он наказ Совы и спросил:

– Скажи, Белка, а что ты любишь кроме орехов?

– Ну, почки... насекомых... грибы иногда... Только за ними спускаться надо.

– А вон, смотри, гриб. Хочешь, я принесу?

И вот через много дней пришёл Ёжик к Сове с целым списком:

– Здравствуй, Сова! Поговоришь со мной?

– Здравствуй и тебе, – ухнула радостно Сова. – Отчего же не поговорить... Наслышана.

Весь лес гудит. Ну-ну, хорошо говорят: и что с тобой говорить теперь можно, и что добро делаешь.

– Спасибо, Сова. Я список тебе принёс, кто что любит. – Смущённый Ёжик переминался с лапы на лапу.

– Так тебе этот список нужнее. Скажи, самому-то легче стало?

– Да, Совушка, спасибо тебе! Представляешь, никто меня больше грибами не потчует...

Рисуют только иногда. И радуются мне, спрашивают, как дела. Помогают тоже. Знаешь, а я не самый добрый в лесу...

– Что ж, есть к чему стремиться. Удачи тебе!

И Ёжик побежал в свою новую интересную жизнь.

На воздушном шаре

Что-то мешало шару подняться. Он был уже отвязан и держался над землёй, но не взмыл в небо, а застрял на уровне крон деревьев.

Жители деревни столпились посмотреть взлёт на краю леса, да так и не дождались. Что происходит – никто не понял. Даже Кинкажу, который сидел в корзине.

Сначала он решил, что воздух в шаре остыл и недостаёт силы ветра. Но печка работала на полную мощь, да и шар нетерпеливо рвался в небо. Проверил балласт – вроде количество совпадает с расчётным. Попробовал мешок сбросить – не изменилось ничего. Шар не поднялся, а топливо расходовалось. Хоть плачь, хоть кричи, а что-то мешает, и всё.

Тогда Кинкажу стал исследовать корзину и увидел, что ветки вплелись в прутья корзины. Самому ему не удавалось освободиться: инструментов с собой не было, да и лапами не дотянуться.

– Слушай, Сорока! Ты можешь вызвать птиц, чтоб они мне помогли отлепиться от веток? – позвал он летящую мимо знакомую.

Сорока с умным видом посмотрела, кивнула и полетела, голося на весь лес:

– А Кинкажу в ветках застрял, пер-р-рнатый наш!

Навстречу ей летел Ворон:

– Сорока, толком объясни: что случилось?

– Смотри, Кинкажу-то наш застрял в ветках на целый день! Всё топливо уже извёл, а взлететь не может!

– Так кричать-то зачем? Тихо летишь в деревню, собираете ещё дров, а я пока белок попрошу помочь. Быстрее только, скоро уже сумерки, все спать лягут.

Сорока, проникнувшись важностью миссии, улетела. А Ворон попросил белок помочь с провиантом и выпутать корзину из веток. Возились они довольно долго. Белкам надо было время собрать больше лёгких орехов, загрузить их, распутать ветки. И Сорока не сразу поняла, что заготовленное топливо хранится у Зайца, с которым Кинкажу и занимался испытаниями шара несколько месяцев до этого.

Заяц оказался тренированным. Не просто так они с Кинкажу дружили много лет и всё время затевали в детстве шалости, а потом и всякие исследования. Лезть на дерево Заяц не захотел, но помочь согласился и принёс дров и тёплых вещей. Из-за них-то они и поссорились перед самым отлётом. Потому Кинкажу и летел один. Впрочем, кто из них был прав, а кто – нет, сейчас не имело никакого значения, и они, конечно же, помирились. Ведь есть более важные вещи, чем дуться друг на друга. К тому же выяснилось, что Заяц всё равно не хотел лететь: высоты боялся.

– Ты пришли Сороку с нового места, чтоб я знал, что с тобой всё в порядке, друг! – попросил Заяц.

– Спасибо, дружище! Прости, что вспылал. Суматоха перед отъездом... Не знал, что ты не полетишь.

– Да неважно это уже. Знаешь что,хвати мне чего-нибудь новенького и вкусенького там, ладно?

– Ну конечно!

И под всеобщие аплодисменты шар наконец взмыл вверх. Уже темнело, но огонь был ещё виден в вышине. А потом ветер отнёс его, и он исчез из виду. Жители уже разошлись, и только Заяц долго сидел под деревом, вглядываясь в небо.

Мартышкины гримасы

МАРТЫШКИНЫ ГРИМАСЫ

Вселенский заговор

В заброшенном доме было тихо и сумеречно. Сквозь ставни не пробивалось ни лучика, ни звука – царил атмосфера убегающего, потерянного времени. Почти прозрачные пузырьки, цепляясь друг за дружку, прыгали в огромный стеклянный аквариум, стоявший на подоконнике, и исчезали там.

А начиналось всё не здесь, а в лесу, где Лев собрал всех зверей на Большой Совет, и они спорили о том, что не знают счёта времени.

– Да зачем вам это? – смеясь, гримасничала Мартышка.

Звери жили, ориентируясь по солнцу, что-то менять и впрямь не было причин.

– Послушай, что я тебе расскажу, – мягко и вкрадчиво начал Лев. – Нам-то оно, может, и незачем. Но люди умеют считать и использовать время, это делает их сильнее. Они наступают на леса, и нам надлежит лучше знать их привычки. Иначе они просто выживут нас. Так что ты назначаешься разведчицей, твоя задача – узнать, как они учитывают время. А потом я решу, что мы будем с этим делать.

Все получили задание помогать ей. И пока она думала, с чего бы начать, жираф высмотрел заброшенный дом. Постояв рядом, он увидел, что никто туда не приходит и никто там не живёт. Он рассказал об этом Мартышке, и тогда она запрыгнула внутрь.

Один день подошёл к концу – она и оглянуться не успела, как стало темно. В другой день она тоже только смотрела, ещё не понимая ничего. И вот на третий – увидела, что эти пузырьки носятся по всему дому и прячутся в аквариум. Она перевернула его и стала вытряхивать. Но они не выпадали, а лишь по-прежнему бегали хаотично, даже не замедлившись. В полной тишине было слышно, как они весело играют, видно, как меняют формы, размеры, цвета и голоса.

Пытаясь ловить пузырьки, гостя пробежала мимо зеркала и увидела в нём длинную тяжёлую коробку, лежащую в гряде строительного мусора на полу посреди комнаты. Споткнувшись о неё, заподозрила наконец, что ключ в ней. Задетая коробка протяжно зазвенела.

– Минутки! Кто-то будит большого зрителя, – пискнула одна из шалуний. – Опять он нас считать будет!

Так исследовательница поняла, что на правильном пути, и даже узнала, как их называть. Она убрала весь мусор с коробки и вокруг неё. Мешки рядом пришлось сдвинуть: они цеплялись за петли, атаковали минутки, явно мешая, наполняя тишину вязкостью и текучестью. Будто пластилиновая, она обволакивала замки, поглощала резкие запахи, краски и звуки, впитывая настоящее. Но и Мартышка была не так проста. Расчищая место вокруг таинственной коробки, она отодвинула шампуры с одной стороны и сняла кусок доски сверху. На виду оказалась дверка из стекла, целого, но очень грязного. Наконец дверка открылась, внутри оказалось нечто незнакомое, большое, тяжёлое и пугающе позвякивающее. Минутки заматались истерично, чуть не сшибая гостью с ног, а часть их замерла в оцепенении, будто испуганная мошкара.

С огромным трудом, подставив найденный там же высокий табурет, Мартышка подняла коробку вертикально, и та, звякнув, встала. Время, которое незаметно убегало, сейчас остановилось. Ничего не происходило, находка молчала.

Открытая дверка ясности не добавила. Объёмное и высокое пузо с железками – цепь, гиря и ложка, над ними – голова с будто бы приклеенными усами и нарисованными значками.

Время стояло, минутки молчали, лишь их страх, как у нашкодивших детей, витал в воздухе. Не зная, с чего начать, Мартышка посмотрела по сторонам и увидела в гряде мусора странный предмет, наподобие двух стеклянных банок с песком, соединённых тонким перешей-

ком, – это были песочные часы. Она вытащила их и услышала шёпот минуток: «Она и малого смотрителя будит!»

«Смотрители» молчали. Покрутив в руках, Мартышка поставила их, и с тихим шелестом тоненькой стружкой, но быстро посыпался песок. Когда он закончился, исследовательница перевернула их, и песчинки возобновили свой бег.

Тогда она перешла к «большому смотрителю» и стала изучать его. Там вместо песка был какой-то тяжёлый механизм. Она покрутила усы – они с трудом двигались. Стала дёргать за всё подряд и не поняла как, но запустила «большого смотрителя» – это были огромные напольные часы. Они заговорили, начав бить время, а минутки жалобно запищали.

– Здравствуй, Время! – вежливо поздоровалась разведчица. Она вообще считала, что манеры никому и никогда не мешают, а иногда только они и спасают.

– Здравствуй, человекоподобная. Только мы не время, мы – часы, – медленно, низко и вязко произнесла часовая стрелка.

– А ещё «большой смотритель»? – ухнула Мартышка.

Стрелки захохотали басом, тенором и сопрано:

– Наслушалась минуток?

– А здесь и слушать-то больше некого.

– Да уж... – подтвердили часы, помолчав. – Завести нас было некому, вот мы и заснули. А ты что здесь делаешь?

– Мне нужно знать, как люди считают время и в чём тут сила. Если расскажешь как, я тебе помогу...

– Ну что ж... Смотри, в полдень нужно поставить все стрелки вверх, а потом перевести маятник. Я тебе скажу как. А пока слушай. Люди разбили время на сутки, часы, минуты и секунды, и всё это умещается на моём циферблате. Стрелки так и называются: секундная, самая тонкая и быстрая, минутная и часовая – самая степенная и медленная.

Заинтересованная Мартышка слушала разинув рот:

– Ух ты... А люди разве не по солнцу сверяются?

– Сколько десятков лет живём – не видели, чтобы по солнцу сверяли. Да и потом, а вдруг нет солнца? Дождь? И сколько раз в сутки можно сверяться по солнцу? А у них, когда часы работают, можно всё время сверяться. Люди работают по часам, а не по солнцу.

– Получается, больше?

– Да, они ведь не уходят в спячку, и дождь им не мешает работать.

– Удобно. А как бы у нас такое завести?

Часы задумались:

– А надо ли? Все люди считают, пишут и читают, делают механизмы всё сложнее и сложнее. Но они всё дальше от природы, от её правил. Всё бегут, торопятся. И болеют поэтому. Да и как ты хочешь заставить птиц и растения жить по часам?

Был полдень, и Мартышка переставила стрелки и запустила маятник.

– Но ведь сильны же эти люди. Заставляют природу служить себе.

– Так она им и отзывается катастрофами. Восстанавливать-то не умеют ни себя, ни природу. Только разрушать горазды. Когда здесь жили люди, то всё время работал телевизор, мы все это слышали. Счастья им это не приносит, они истребляют друг друга, когда рядом нет врага.

– Их сила в том, что их много, и в механизмах. А слабость – в отдалении от природы?

– Получается, так. Считай – не считай, а природные законы едины для всех.

Поблагодарила разведчица и попрощалась. А минутки бегали с деловым видом будто по струнке.

Вернулась Мартышка в лес с докладом. Лев внимательно её выслушал:

– С твоих слов выходит, что и делать ничего не надо, они сами себя погубят. Но пока они притесняют нас. И что же, нам уходить глубже в леса?

– В лесу грозные люди беспомощны. Со своими механизмами отвыкают даже от общения друг с другом. И Природа-матушка возьмёт верх.

– Что ж, да будет так. На земле, занятой асфальтом и домами, нам уже точно нечего делать. А они потому нас и притесняют, что боятся и не знают законов природы. И нам остаётся только ждать и жить по своим правилам.

Как воду мешком носили

Обезьянка обнаружила у себя под деревом почти сухой колодец. Ещё накануне, прыгая по веткам, она думала, как было бы славно иметь воду поблизости. Сейчас за ней приходилось ходить на край леса. Это не очень далеко, но неудобно и небезопасно.

А колодец был незаметен под ветками и лианами. Знакомая Девушка показала ей, как ему положено работать. Мартышка и призадумалась, что же делать. Она уже и так и этак: и уговаривала, и расчистила верх, и накрыла лианами, и ведро кидала, потом вытягивала. И пришла к выводу, что единственное решение – наполнить его водой.

Как только стало вечереть, ещё до ночной охоты хищников, она спустилась с дерева и пошла к реке с подаренным ей когда-то Девушкой ковшиком. Туда помещалось очень мало воды. Напившись у реки, она принесла полный ковшик и вылила в колодец, но даже плеска не услышала. Мартышка кинула камушек – только эхо отозвалось от стука о стенку.

Тогда она вспомнила, как носила апельсины с Того берега. Тогда Девушка научила её пользоваться мешком. И этот мешок у неё остался, большой и крепкий. А чтобы нести было удобнее и быстрее, она взяла велосипед. Съездила пару раз – вроде больше воды принесла, а результат тот же. Ещё несколько рейдов сделала, но в колодце как было пусто, так и осталось. Зато теперь вся дорога, по которой она ездила к источнику, почему-то оказалась размытой.

Мартышка пыталась ездить и быстрее, и медленнее. И дороги пробовала разные. Даже один раз по веткам несла свой мешок. Местные жители за ней наблюдали с любопытством, но ни о чём не спрашивали. Все знали, что за словом в карман не полезет, никто не хотел быть осмеянным. Её родственники жили в джунглях и в её экспериментах не участвовали: для них важнее было пропитаться и не попадаться на глаза хищникам.

Так бы она и маялась, да пришла Девушка в гости.

– Что ты, – спрашивает, – хозяйюшка, тут делаешь? Сороки-сплетницы говорят, будто реку хочешь перенести к себе в колодец. Ой, какое болото ты вокруг него развела! Кто ж мешком воду носит? Он же протекает!

Уставшая, но непобеждённая Мартышка исследовала мешок:

– Почему протекает? Целый вроде.

Девушка молча провела её по мокрым следам к реке и, набрав немного воды в мешок, приподняла его над водой.

– А что же делать? – совсем расстроилась деятельница. – Может, бочку взять? У тебя есть?

– У меня-то есть, одолжить не жалко. Но ты подумай сама: если так можно было бы наполнить колодец, то после ливневых дождей он был бы полон. Бросай-ка велосипед, пойдём погуляем.

– Надо доделать сначала, – попыталась упереться подруга.

– Да тебе так жизни не хватит. Идём, говорю. Думать надо. А это легче на ходу делать.

Они отошли от колодца подальше, стали исследовать местность вокруг – ни к чему не пришли. Впрочем, заметно подальше они наткнулись на давно пересохшее русло широкой и глубокой реки. Нашли они Сову и спросили её, была ли там река.

– Да, была. Да вам-то что? Колодец ведь наполняется не наземной рекой, а подземной. Нужно его вычищать и углублять. Тем более что у вас дно бетонное – не сделаете вы канал от реки. Бесплезно.

– А если новое место поискать? – спросила Девушка. – Раньше же находили? С рамками, с лозой искали.

Сова ухнула недоуменно:

– Зачем вам это надо? Во-первых, этот способ никогда не считался верным. Выроете новый колодец, а воды нет. Как тогда быть?

Девушка и Мартышка переглянулись.

– А во-вторых, у вас уже есть колодец, отделанный бетоном. Значит, кто-то до вас эту работу проделал. Не просто так у людей не в каждом доме были колодцы, правда? Да и нехорошо это для Земли-матушки. Так что приводите в порядок то, что есть.

Поблагодарили они Сову и пошли чистить колодец. Видят: зайцы бегут.

– Зайцы, хотите воду в безопасном месте? Тогда давайте чистить вокруг колодца.

У реки встретили бобров:

– Привет, бобры! Помогите колодец почистить!

Выдру попросили, кротов привели. И все вместе за несколько дней почистили и углубили колодец. Вот уже и вода пошла. Бобры сделали крышку и ворот. А у Мартышки под деревом с тех пор стало собираться общество – попить да посплетничать в безопасности. Вода с тех пор всегда была, а наполненное ведро они оставляли: не все умеют воротом пользоваться.

Жаркая переправа

*На рассвете утром рано
Зацепились два барана.*

Стоят, ничего не говорят, бодаются да пыхтят. Один – белый, другой – чёрный. Как упёрлись рогами на мосту, так их не сдвинуть с места. Что не поделили – неизвестно, только перегородили дорогу – не проехать, не пройти.

Сначала никто не обратил внимания: кому нужны бараны разборки? Однако не перейти на другой берег. Мост широкий перегородили и упёрлись, чтобы не упасть. Ладно, левый встал близко к берегу, а правый, если не устоит, точно в воде бултыхаться будет. Смотрели на них звери с обоих берегов, смотрели, а на другой берег-то не перейти. Стали спрашивать спорщиков, в чём дело. Не отвечают, фырчат, но стоят насмерть.

Орёл спустился посмотреть и послушать, что происходит. Пыль поднимается от копыт, да мост скрипит. Вот и всё. Пробовал увещевать – бесполезно, что с баранов взять...

– Подожди, Царь птиц, – ухнула Обезьяна. – Давай попробуем проще, без высокопарности.

Подошла она и пнула ближайшего:

– Слышите, бараны! Что вы могли не поделить? Вы же одинаковые!

Возмутились оба спорщика, хотя и устояли, позиции не переменили.

– Чего это мы одинаковые? Не видишь, что ли: я чёрный, а он белый? Я правый, а он левый! – кричит один.

– Что ты врешь?! Это я правый, а ты левый! – вторит другой.

Человекоподобная знай себе смеётся:

– Оба вы грязные и упёртые. Одной масти почти уже. Звери! – возвала она к зрителям. – Помогите вы им! Скажите, кто из них правый, а кто – левый!

Зрители с левого берега указали белого левым, чёрного – правым. С правого берега – наоборот. А Мартышка ещё и добавила:

– Да и силы ваши равны. Иначе кто-то один уже взял бы верх.

– Неправда. Я уже почти весь мост прошёл. Это он встал поперёк дороги, – сказал один.

– А тебе не подвинуться было? Мост широкий, разошлись бы, – ответил другой.

– Это я должен был подвинуться? Ты посреди моста. Мне что, по краю надо пробираться?

– Сам ты посередине шёл. Я, что ли, должен всех переждать, чтобы мост перейти? У моста поручней нет. Откуда я знаю, что у другого барана на уме? Может, он мне подставит подножку.

– Да, – сказал свысока Орёл, – есть проблема.

С ним согласились все, включая баранов.

– А проблема в том, что нет поручней и правил. Значит, надо их установить.

– Ну, с поручнями-то понятно, бобры и дятлы подсобят. А как быть с правилами? – почесала затылок Мартышка. – Может, Льва позвать? Он точно умеет их придумывать.

Присмирели бараны. За перекрытую переправу не похвалят, как бы обоим не заплатить. Орёл взмахнул крыльями:

– Лев нечасто пользуется этим мостом. Он всё больше по джунглям обходит. Да и занят он всегда царскими делами, неизвестно, когда сможет прийти. Давайте-ка сами, мы ведь все правые?

– Да! – единодушно загалдели все.

– Так давайте решим, что мост мы всегда переходим справа.

– Но ведь мы не можем быть оба справа, – возмутились бараны. – Получится, кому-то уступить придётся.

– Так вы попробуйте! А мы посмотрим, что получится. Нам же интересно!

Взмыленные, они разошлись, глядя исподлобья, пошли через мост. Один – справа, но в одну сторону. Другой – тоже справа, но в другую. Косятся друг на друга, но переходят. И сами удивляются.

Все звери вздохнули с облегчением. И через пару дней все снова собрались здесь – делать перила моста. Места хватило всем, не только нашим спорщикам.

Мартышкин дом

Завела себе Мартышка дом. Нашла дерево повыше да пораскидистее и решила на нём расположиться. Натащила веток и листьев, раскинула шатёр и пригласила друзей на новоселье.

Пришли белки. Жильё оценили, но заметили:

– У тебя тут высоко. А вдруг упадёт вместе с листьями? Надо шатёр закрепить получше.

Жираф поздравил, но сказал:

– Высоко слишком. Зверям не дотянутся. Спустилась бы пониже.

Птицы прилетели. Посоветовали:

– Сверху маловато листьев, в дождь всё промокнет. Надо сверху тент натянуть, как люди делают.

Слон притопал, раскритиковал за то, что слишком лёгкое строение.

Медведь заглянул. Отметил, что далековато и от пчёл, и от маличника.

Тигр – что слишком долго вылезать из дома. Пантера – слишком всё открыто, не защищено. Барсуку корни дерева показались ненадёжными. Кому-то не хватало в доме света, кому-то – воздуха. А кому-то, наоборот, было много. Были те, кто считал дом слишком высоким, и те, кто – низким. И так далее.

У хозяйки медленно, но неотвратимо портилось настроение. Уже не хотелось идти за угощением, и вообще... Придётся, наверное, переезжать и всё переделывать.

Позже всех, вечером, прилетела Сова. Послушала она разговоры, увидела, что Мартышка совсем расстроена. Говорить при всех ничего не стала, только похвалила дом да поздравила с новосельем. Подарила коробку для всякой всячины.

Гости разошлись, обсуждая, что Мартышка-то наша совсем поникшая, надо бы помочь ей всё переделать. А Сова осталась ещё, решив поговорить с хозяйкой. Села та, кажется, вот-вот заплачет. Только гостя жалеть её не собиралась, так, захотела научить кое-чему:

– Мне очень понравился дом, только я не понимаю, почему ты так расстроена в новоселье.

– Да вот, видимо, всё не так, как надо. Придётся переделывать, а может, переезжать даже.

– Подожди, зачем? Разве ты не довольна тем, что получилось? Мне казалось, когда ты созывала всех, то была счастлива?

– Так все ругают только.

– А жить в этом доме кому?

– Мне.

– Ты будешь жить с кем-то из них? С пантерой, может быть? С жирафом? Уверена, что нет! Тогда зачем ты всех слушаешь и под всех хочешь подстроиться? Это же твой дом!

– Это ведь друзья. Они добра хотят.

– Конечно, хотят. Друзья же. Но ты должна иметь собственное мнение, что для тебя хорошо. Ты делала дом для себя и была им довольна. Зачем же всех спрашивать, как тебе жить?

– Я не спрашивала. Сами по дружбе сказали, помочь решили.

– Молодцы. Пусть помогут. Вместе работать веселее. Только зачем делать для кого-то? Хотят помочь – пусть помогут так, как тебе нужно. Не разрешай всем наводить порядок в твоём доме. Ведь тогда он перестанет быть твоим.

– А вдруг они лучше знают?

– А вдруг – хуже? Они же не живут жизнью обезьян. Всё сделаешь по их рекомендациям, а жить не сможешь или не захочешь, а из признательности придётся. Как тогда быть?

– А как сейчас быть? Они ведь придут помогать.

– Вот и прекрасно. Попроси помочь в том, что тебе нужно, и увидишь, все ли друзья.

На следующий вечер пришли вчерашние гости. Попросила Мартышка помочь ей утеплиться да украсить дом вместо переезда. Кто-то даже ушёл. Но почти все остались ей помочь, и они прекрасно провели время.

Как в лесу налоги собирали

Лев вышел на прогулку, решив проведать Обезьяну. Многие жаловались на неё в последнее время. И пересмешничает, и что-то не сделала, а может, и сделала, но кому-то не отдала... Историй много рассказывали, одна запутаннее и невероятнее другой. Можно было вызвать и расспросить... наказать... или не обращать внимания... Ведь подданных много, на всех внимания не хватит.

Но с хвостатой всё иначе. Весёлая выдумщица, умная, добрая и наблюдательная, инициативная и шустрая, она привлекала внимание сплетников. Вписываясь в дела, частенько собственного изобретения, она активничала, немного пытаясь хитрить. Успеха в последнем, правда, достигала редко, не расстраивалась особо по этому поводу, но так или иначе заинтересованные морды в лесу раздражались из-за этой её манеры. Лев общался с ней при случае. Её гримасы и ужимки развлекали, меткие высказывания порой даже заставляли задуматься. Иногда он поручал ей что-то сделать. Она азартно бралась за дело, с выдумкой выполняя задания и частенько получая совершенно неожиданные результаты. А сейчас кто-то сообщил ему, что Обезьяна болеет и стала раздражительной и ленивой.

* * *

– Ну, здравствуй, Обезьяна. – Лев старался не напугать пафосом визита, входя к ней в беседку под деревом. – Как жива-здоровая? Говорят, болеешь много.

Первое, что обращало на себя внимание, – это книги. Мало того, что в лесу они редкость, так ещё и впечатляло количество. Хозяйка сидела в кресле и читала.

– Здравствуй, царь! – ухнула она радостно. – У меня как раз чай заварился, хороший, вкусный, присоединяйся. Да уж, болею. Уже и погода стала тёплая, а всё равно.

– Давно не вижу тебя. Вот мимо шёл, думаю, дай зайду, справлюсь, не случилось ли чего. Обезьяна посмотрела на него внимательно, изучающе.

– Жалуются на меня, что ли? – спросила она прямо.

Лев усмехнулся в ответ:

– Не без этого. Давай рассказывай сама, что здесь происходит.

А про себя подумал: «Да уж, пронизательна и прямолинейна». Посмотрел, что читает. «Налоги леса». Это он сам недавно провозгласил, что теперь все будут хвостами платить налоги, и выпустил книгу. Да кто ж её читать будет в лесу-то? Завёл налоговое ведомство, лисам поручил проверять и собирать. Много шума поднялось в лесу, противились звери новой системе. А вот Обезьяна стала осваиваться: сидит себе, читает да жалобы строчит.

– Письма твои читал на налоговых лисиц. Хорошо, по делу написано.

– Так они сами и баламутят лес. Сначала таскают запасы без спросу, потом народ лесной бегаёт в панике. Ведь пытаются обобрать вплоть до собственного хвоста. Кому-то даже удалось – вон посмотри.

Она открыла ящик, набитый самыми разными хвостами: беличьими, волчьими, заячьими – хоть фауну леса по ним изучай.

– Что, тебя тоже прижали? – усмехнулся Лев, вытаскивая обезьяний хвост.

– Меня – нет. Мне помогли. А это хвост родственника. С него всё и началось... Стала писать жалобы. Не может же не быть управы! Это было бы нарушением равновесия.

– Ну хорошо. Дела пишутся, я многие из них удовлетворяю. Откуда пересуды? Чего хотят?

– Чтобы не трогали. А те, кого уже тронули, хотят, чтобы побыстрее вернули. А получается долго. Тут же ещё лесной банк у волков откусил и не сознаётся. Шуршу, а всё не найти. Банк информации не даёт.

Лев слушал внимательно. Ему издавна приносили каждый свой хвост. Просто в систему он попытался это ввести недавно.

– А почему я не вижу у тебя даров? Всё съела?

– Так не приносят. Беды только да недовольство тащат. Ещё в первый раз могут с чем-то прийти. А потом недовольство вываливают. Сделай, мол, так, чтобы не трогали. Или откусили больше, вернули меньше. Или – долго. Считается у них, что если я сделала с первого раза всё правильно, то уже всё было бы так, как они хотят.

– Ну а лисы?

– А что лисы? Бью по лапам – огрызаются. Видят твою резолюцию – стихают. Но лапы всё равно тянут. И они меня точно не полюбят.

– Это верно.

* * *

Едва постучавшись, вошёл Барсук. Льва, сидящего спиной в высоком кресле, он не увидел.

– Ну что, Мартышка, хвосты наши вернули?

– Так ещё месяц назад вернули. Забирай.

– Вернули маленький, откусывали большой. И времени-то много прошло.

– Барсук, всё – не всё, а надо было что-то и отдавать. Ты же сам спрятался, вот и тащили тебя за хвост из норы.

– Это уже не тебе решать. Сколько могу, столько и дам.

– Мне – не мне, закон для всех один.

Психанул Барсук, столбы чуть не снёс. Обезьяна кивнула ему вслед:

– Вот как-то так обычно и происходит. А ты говоришь – дары. И лисы своё гнут, они-де всегда правы, это ему не так рассказали.

* * *

– Ну и чего ты удивляешься, что болеешь? Ни благодарности, ни понимания, ни даров. – Лев развёл лапами. – Вот умная вроде, а с народом всё никак не поладишь.

– Так говоришь, говоришь, а толку-то? Вот с волками, например. Их банк обобрал. Там не лисы – кроты сидят, в их подпольях не так легко разобраться, информацию-то не всю дают. А волки на меня зубы точат. Я-то тут при чём? Я их заначки не трогала. Надо было пойти в банк, оскал показать – с трудом убедила. Сходили, а их не приняли. И всё. Теперь сидят, молчат, на меня скалятся.

– А отказывать пробовала?

– Пробовала. Только злятся больше. А говорят, что я злая стала. Да, я понимаю, как работает и как должна работать система. Но не я же отвечаю за неё тем не менее.

– А здоровья уже не хватает. Знаешь что? Прекращай свою подрывную деятельность!

– Что?! – У Мартышки возмущение аж наружу выплеснулось.

– Прекращай, говорю, свою благотворительность! Развращаешь мне лесных жителей! Ставь цену и прекращай сама бегать.

* * *

Слово царя – закон для подданных. Лев сделал Мартышке запасы еды, и она перестала принимать зверей по-соседски. А ещё прошёл слух о генеральной проверке лесного банка.

Не было предела возмущению. Попробовали напугать, но Мартышка знай своё: запрещено, и всё. Пошли жаловаться. Лев гонцов принял, однако запретил ходить к Мартышке с пустыми лапами.

– Закон един для всех! – гремел он. – Изучать не хотите – отрываетесь на том, кто что-то понимает в этом. Ещё и недовольны вечно.

– Так лисы много забирают!

– Я установил закон. Не будете соблюдать – съем. И в соседнем лесу вас никто не защитит. У них свой закон. И его тоже надо соблюдать.

Пошумели да разошлись. Погудел ещё лес, да всё равно пришлось иначе на мир смотреть.

Пришёл Барсук к Мартышке за своим хвостом, да с грибами и орехами:

– Ты уж прости меня, не понимаю я в этом.

Стали приходиться другие звери за хвостами, да не с пустыми лапами. А тут ещё и банк проверили, нашли волчьи хвосты в ассортименте. Довольны остались волки, поблагодарили Мартышку тоже. Она повеселела, перестала болеть. Порядок воцарился в лесу.

Деловое соглашение

Обезьяна сидела грустная и расстроенная. Она была в корне не согласна с Петухом. Ношу не по себе взяла? Отнюдь. Просто пропадают силы и желание нести что бы то ни было, когда под руку всё время критикуют, нападают или просто придираются. И идёт не так, и коробку помяла, и пыль поднимает... У вечной оптимистки не хватало уже терпения и времени... Даже на то, чтобы остановиться, отдохнуть и перекусить. Настроение унылое. Уже и ямы обошли, и непогоду прошли, курятники укрепили и защитили, а Петуху всё не так. Опять вот раскукарекался не по делу.

Идёт, мысли обуревают невесёлые, а навстречу – Лиса. Вечно они с Обезьяной в контрах, всё время друг друга подкалывают. Лиса только что попыталась обнести у Петуха курятник, цыплёнка утащила, а больше не смогла. Знала плутовка, кто её обставил, да так ловко, что даже в восторг пришла:

– Чего грустная такая, гримасница?

– Слышь, иди своей дорогой, рыжая, – беззлобно посоветовала та. – Не видишь, что ли? Тороплюсь я.

– Куда, интересно? Да ладно тебе! А то я не знаю, что ты несёшь насесты для дальнего курятника. Я не ем деревяшки, угомонись. Вон озеро, пойдём, отдохнёшь, поговорим.

Обезьяна не боялась Лису. Они давно соревновались с переменным успехом, но в последнее время гримасница брала верх чаще. Да ещё и высмеивала нещадно. Но Лиса всё равно периодически пыталась взять реванш и что-то утащить. Сели они у озера, достали еду из мешка, сходили воды набрали. Погода хорошая, птицы поют. Сидят заклятые подруги, едят, посматривают друг на друга.

– Вот чего ради ты надрываешься у Петуха, скажи мне? Да, он гостеприимен, так макушку клюёт с азартом временами, а объясняет это тем, что он не понимает ничего. Думаешь, этого не видно, не знает никто? Ну бережёшь его курятники от лис и волков – доволен он, что ли? Настроение у тебя всё хуже и хуже, – произнесла Лиса, когда они поели.

– Ну, договориться-то можно с любым. Если бы вы ещё не лезли в его курятники... Вам же там как мёдом намазано.

– Мы во все курятники лезем, это наш прокорм. Дело ведь не в том. Он вечно будет недоволен. Отвык уже, что обычно потери существенно больше. Так и будет кукарекать, что это ты не справляешься. И что тогда?

– Волки вот ещё...

– Это лес. Это нормально. Мы нападаем. Он защищается. Раз ты ему помогаешь, то должна быть сыта, спокойна и довольна, а я этого не вижу.

Обезьяна думала. В её сознании копошилось понимание, что Лиса не врёт. Но...

– Зачем ты мне это говоришь? Может, оно и так, но твоя цель какова? – спросила.

– Что значит какова? Не будет тебя – откроется дорога.

– Найдёт себе защитника. Не впервой.

– На его-то условиях? Едва ли. Он даже понимать не хочет: что сделано в его хозяйстве – невыгодно. Легче виноватого найти. Ладно, побежала я. Петуху привет, – и Лиса хищно облизнулась на прощание.

Вернулась Обезьяна, поставила коробку да и развернулась идти. Петух, сидя на заборе, возмущённо заквохтал, крыльями захлопал:

– Ку-ку-куда это ты собралась?

– Знаешь что, пойду-ка я своими делами заниматься. Надоело. Вечно тебе всё не так.

День прошёл, два, неделя... И пришёл Петух к Обезьяне мириться. Долго думал, да надумал, видать:

– Я тут с другими петухами поговорил... У всех примерно одно и то же. Даже хуже бывает. Лисы и волки совсем житья не дают. Давай уж мириться. Вместе оно сподручнее.

– Лисы, волки... ещё и ты скандалишь. Не много ли от тебя шума, Петух? Я не железная, не буду это терпеть.

– Ладно тебе... Давай мириться, а? Дружно жить всегда лучше.

Обезьяна улыбнулась. Знала она от «подруги», что за это время был на его курятник набег и его здорово пощипали.

– Ну только если дружно, – сказала она ему.

На том и порешили. И стали работать спокойно.

Великое переселение

– А-а-а! – кричала Мартышка. На неё сыпались ветки, камни, комья земли, даже какие-то объедки.

Она жила в этой долине несколько лет, всё здесь знала, это был её дом. И неожиданное крушение привычного мира стало тяжким испытанием. Немного успокоившись, она стала осматриваться. Ничего привычного она не нашла – все звери исчезли, даже лисы с налоговым офисом.

Деревья стояли, как всегда, непоколебимо. А с плато падало всё подряд, почему – непонятно. Мартышка забралась на макушку дерева, но и оттуда не увидела ничего. Совсем близко к месту забраться было не на что, и прыгать далеко. Подняться по земле тоже не получалось: скользко. Мартышка села и снова задумалась. Неисправимая оптимистка, она верила, что есть выход.

– Слушай, царь птиц, – обратилась она к Орлу. Тот летел со стороны плато и присел рядом поздороваться. Они порой общались. – Что там сверху происходит? Только комья да шерсть летят.

– Так Лев потребовал уборку сделать, запасы разобрать. Вот лесной народ и старается. Все переезжают от воды подальше.

– Точно стараются, аж здесь слышно. А как бы туда перебраться, не знаешь?

Орёл насмешливо фыркнул. Вечно ей надо куда-то повыше... А главное – неуёмная, всё равно куда, но надо. Вид у неё был просящий, и он смягчился:

– Там, за плато подальше, есть кустарники. Попробуй найти, там уж сама разберёшься.

Обрадовавшись, Мартышка поблагодарила и побежала в указанном направлении, нашла рощицу.

* * *

Там было тихо, сверху не сыпалось, только несколько обезьян прыгали по веткам деревьев и о плато не помышляли. Вот кустов не нашлось. Она влезла на макушку, примерилась: далековато, но ближе прыгать, чем было. С верхнего края виднелся мох, не камни, приземлиться можно мягче.

Поискала поблизости кусты: они прятались дальше, под самым отвесом. Залезть – исколоться, а подняться всё равно не получится. Что Орёл, хорошо ему, на то и крылья есть: захотел – перелетел. А человекоподобной придётся прыгать с макушки дерева. Тем более что делать это без разбега – её любимое занятие.

– Р-р-раз! – прыгнула и скатилась напрямиком в кустарник, не достала.

– Два! – снова скатилась, уже не удержавшись за край.

– Три! – и она кубарем скатилась на плато да прямо под лапы Льву.

Упорным мир покоряется...

– Эт-то ещё что?! – рявкнул было Лев, потом узнал: – А, это ты, гримасница... Ну и шуточки у тебя, знаешь ли!

– Здравствуй, царь, – нарочито церемонно поклонилась гостя. – А что шуточки? От вашей уборки мне на голову мусор сыпется.

– Я не об этом... Обойти и подняться по склону, как все, – не вариант? Легко слишком? Только прыжки с препятствиями?

Царь не злился. Мартышка его забавляла. Взбалмошная она особа... Добрая, но всё пытается хитрить своё... И так очевидно, что иногда и расстраивать большого ребёнка не хочется раскрытием её «иезуитского» замысла.

– Кто бы сказал... Орёл вот только про кусты рассказал. А они колючие, с них не дотянуться.

– Да уж... Разогнала вон зайцев, бессовестная. Лисы попрятались, затиранила в налоговых спорах, гроза леса ты наша. – Он весело дразнил её.

– Им не помешает, – самодовольно ответила гостя.

– Неисправимая... Ладно, рад тебе. Выбирай, где поселишься.

Ухнув, она поспешила к деревьям: исследовать.

* * *

Шли барсуки, лисы, журавли, еноты, слоны. Все направлялись на общий сбор: Лев объявил. Пока пришли, обсудили новости, ждали главного, заметили, что Мартышки нет.

– Странно, – зашушукались они, – что, её не позвали?

– А мы её и не видели после переселения...

На скалу вышел Лев. Он смотрел на собравшихся и, кажется, знал, о чём они говорят. И он открыл совет:

– Все вы знаете Мартышку. Кому-то она помогала, кого дразнила, а кто и просто мимо проходил. Недавно все мы переселились повыше от разлива реки. А её никто не предупредил. Как так?

– Ей необязательно, – медленно произнёс Жираф. – Она же на деревьях, там вода не страшна.

– Не смешно, – возмутилась Белка. Она тоже жила на деревьях и знала, что на землю также нужно ступать.

– Вот что, звери, я хотел вам сказать, – прервал пустые разговоры Лев. – Так нельзя.

– Да мы думали, ты сам скажешь, – загалдели в ответ.

– Вы ж общаетесь...

– А птицы на что?

– Орёл разве не сказал?

Лев усмехнулся. Народ пристыженно замолчал, понимая, что стрелки перевести не удалось.

– Вот-вот. В этом вы все. Тот не сказал. Этот не предупредил. Орёл вообще прикололся, погнал её через кусты. Ладно... Кто её видел после переезда? Может, помощь нужна.

Звери молча переглядывались.

– Ну хорошо. Скоро лисы развернут налоговый офис на новом месте. Будут опять хвосты собирать. Рад вам сообщить, что у Мартышки всё благополучно. И ей лисы вернули взятое. А вот как вы пойдёте к ней за помощью – думайте сами.

* * *

Мартышкиному изумлению не было предела. К ней выстроилась очередь интересующихся её делами. Она не помнила за собой такой популярности. Все что-то несли: ягоды, орехи, мёд, фрукты. Спрашивали, нужна ли помощь.

– Что это с ними? – спросила гримасница у Орла. Обиды она на него не таила, сама дразнила и устраивала розыгрыши.

– Мало ли... – развёл крыльями тот. – Жалко, что ли? Пусть помогут.

Порядок навели, лисы открыли офис, и все зажили на новом месте, налаживая всё заново.

Перемирие

Все следы самых разных зверей вели к дереву Обезьяны. Вероятно, ходили там и птицы. Но их следы, конечно, не были видны. Они путались, местами пересекались, где-то ложились рядом... К дереву явно гружёные идут. Вот, например, слоновьи хорошо видно. В одну сторону ямками, лужи будут. А в другую – лёгкие.

Вокруг дерева – склад. Чего тут только нет! И соты мёда, и малина, и фрукты... Даже брёвна и доски кто-то притащил. Недавно машина человеческая в лесу заблудилась. Люди-то ушли, а транспорт брошен. Самой гримасницы не видно.

Чуть подалее звери галдели.

– Неужели она так сильно обиделась? – возмущался Барсук.

– За то, что не помогли? А Лев ведь предупреждал... – вторил Слон.

– Не выходит вот даже... Кто её недавно видел? – спросила дружившая с ней Белка.

– Так мы ж это... не со зла... А она сразу и надулась... – продолжал Слон.

– И Льву наябедничала... Что, попросить нельзя было? – эмоционально шумел Шакал.

– А как нам с лисами теперь... Совсем зажали в тиски, – повесил уши Заяц.

– Может, сговорились? Их вроде птицы видели вместе... Да и лис, смотрите, нет, – вмешались волки.

– Вам бы всё сплетни собирать. Знаете же, не любит она этого... – хлопал крыльями Петух.

– Кто же теперь поможет?... – вздыхали все.

Даже природные враги заключили перемирие перед новой угрозой.

Белка прыгнула на самую верхушку дерева, проведать хозяйку. Та лежала в гамаке, молчаливая и безучастная ко всему.

– Привет, подруга. А знаешь ли ты, что у тебя под деревом настоящий митинг?

Обезьяна не отреагировала. Посмотрела на гостью, даже не пошевелившись.

– Чего хмурая такая? Заболела, поди? – Белка была местным доктором. Взяла за лапу: тёплая, пульс есть. – Что случилось-то? Дар речи потеряла?

– Понимаешь, Белка... – Такое долгое ожидание ответа заставило прислушаться. – Слишком много слов тратится впустую. Наговорили вот всякого... И как с гуся вода.

– Гусь, кстати, там тоже был, – встала Белка.

– Вот видишь! Даже ты не слышишь... А это важно. – И Обезьяна опять замолчала.

– Ну прости... Лисы что-то нагавкали?

Обезьяна пожала плечами.

– Что лисы? Что лисы? С ними всё понятно, – рассеянно проговорила. – Не любят, но... уважают, как бы там ни было. Приходится.

– А кто тогда? Ты можешь нормально сказать? – Белка диагностировала утомление. Но болезни, похоже, нет.

Впрочем, хозяйка никому ничего не доказывала. Надоело просто воздух сотрясать. Каждый сам за себя. Таков закон джунглей. А тут лисы опять хвосты собирать пошли. И покати-лась массовая истерия.

Барсуку часть отбила чуть позже, чем ждали. Так развонялся, будто он скунс и только маскируется. Еноту вернули меньше, тоже истерика была. А просила коробки из-под стирального порошка приложить – крику:

– Ты обиделась, что ли? Будь выше этого!

– Я и так выше... Но и спасать больше никого не стану.

– А тебе внизу нанесли всего... – Белка резко переключилась. – Ты многого хочешь от зверей. Не все же могут понять что-то глобальное!

– Да это я не могу понять глобальное. Вечно кого-то уговариваю, объясняю. Кому это надо? – Обезьяна немного раздражённо пожала плечами.

– Всем надо. Очередь вон всё никак не разойдётся... – Белка всё пыталась показать, но подруга не шевелилась.

– Это пока не пришло понимание, что не всё можно сделать. Что-то делается долго. Для чего-то нужны дополнительные усилия от них самих. Сотворите мне чудо.

– А иначе? Не буду верить в фей?

Хозяйка рассмеялась:

– Как мало вы знаете о добрых феях!

– Ты ведь можешь им помочь! – зашла с козырей Белка.

– Кому-то могу, – удержала позиции Обезьяна.

– Да почти всем! Тебя нет – так лисы с налогами зверствуют.

– Работа такая у них.

– А у тебя? От них спасать. Кто, кроме тебя? – упёрлась Белка.

– Может, и так. Но в рабство не записывалась, – Обезьяна показала язык: кажется, она возвращалась к нормальной жизни, – и психологом не нанималась. Ясно?

– Да уже все всё поняли. Посмотри вниз: сколько предоплаты принесли. И ответа ведь ещё никакого не получили. А ещё несут.

– А надо было до края доводить? Когда лисы уже всем дел настряпали? А теперь как от смерти спасай? А вдруг не смогу? – Даже раздражаться желания не было.

– Хочешь мир переделать? – рассмеялась Белка. – Вроде же договаривались... Или ты тоже не помнишь и не слышишь неинтересные для тебя вещи?

– Хочется адекватности, а не отвечать за чужие косяки, – вспыхнув, процедила она сквозь зубы.

– Давай делать, – гнула своё Белка, – а то и адекватности взяться неоткуда, и забот много. Ещё и помощников привлечём, чтобы побольше успеть.

– Так у тебя тоже забот полно... Все больные на почве стресса, – засмеялась Обезьяна уже легко.

– Вот-вот, – пробурчала та, – тебе смешно, а лес на ушах... Пора за ум браться.

Организовали работу совместно. Слонёнок принимал, птицы разбирали документы, зайцы готовили новые. Волки подрядились ходить к лисам. Рыси сделали графики, а то очереди долго не сокращались. Первым из обиженных догадался извиниться Барсук:

– Ты уж прости, хвостатая... Я же не знал...

– Ладно уж... – пробурчала Мартышка. – Кто старое помянет...

И правда, зачем ругаться-то? А мешок ягод ещё никому не помешал.

**Волею судьбы,
или За пределами разума**

**ВОЛЕЮ СУДЬБЫ
ИЛИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ
РАЗУМА**

Судьбоносная нить

Ситуация была симпатичной, только избалованной и тупиковой. Не сразу она такой стала, да Безответственность помогла. Оглянулась по сторонам, стоит, упёршись в стену, слева и справа – стена. А сзади – длинный коридор из ожиданий, иллюзий и желаний.

А начиналось всё так безобидно!

Как будто из золотого руна, появился клочок шерсти. Все радовались ей, такой тёплой и перспективной, ведь предстояла холодная зима. Нельзя было эту возможность просмотреть, стали сучить нить. А она разворачивалась скатертью-самобранкой всё быстрее и сильнее. Зрелище, конечно, интересное – головоломка. Да только нить всех запутала и сама заблудилась. Стоит себе в одиночестве в конце коридора, перед глухой стеной, потеряв цель впереди, и не шелохнётся. Нет, не испугалась, но запуталась. Нить всё вьётся, но уже не так интенсивно: видно, иссякает источник. А деваться-то некуда. Посмотрела вниз – темно и ни проблеска не видать. Вдруг слух привлекло мерное жужжание сверху. Присмотрелась наша нить вверх: там пробивался свет, да и прыгать невысоко.

Насколько могла, отошла назад. Запрыгнула, не сразу, не с первой попытки. Раз! И скадилась. Два! Ей удалось немного задержаться и увидеть длинную палку, утолщённую посередине. Она ходила равномерно вверх-вниз и называлась веретеном. Здесь было много веретён с нитями, именно они и жужжали. Только одно из них было свободным: видимо, для неё. Здесь было светло и спокойно, и что-то манило её сюда вернуться и остаться... Три! И она встретилась с веретеном, зацепившись и быстро наматываясь, словно она должна там находиться.

Быстро-быстро крутится веретено, наматывая шерсть. Вот уже и огромного кома нет. Порой казалось, что нить так запутана и порвётся. Но веретено замедляло скорость, подтягивало её и вновь набирало обороты. А нить всё поступает и поступает – не иссяк источник, только забился излишками. И, как только его освободили, он возобновил снабжение.

Но веретено не становилось толстым – с верхнего края нить автоматически поступала на следующий этаж. Там ткачихи и вязальщицы делали изумительные вещи, волшебные и красивые. Мантии-невидимки, скатерти-самобранки, многие штучные экземпляры. Но главным было не это. Здесь переплетали многие нити, создавая полотна человеческих судеб. Светлые и тёмные, простые и цветные, шерстяные, льняные и хлопковые, нити поступали равномерно, с веретён, и здесь их было уже не слышно. Никто не говорил, не оценивал материал, ткачихи и вязальщицы лишь безостановочно делали его прочным, качественным и красивым, с причудливыми расцветками, соблюдая определённый алгоритм.

Из этой ткани этажом выше искусные портнихи кроили судьбы. Здесь царили совершенство замысла, красота линий, стиль и вкус. Все изделия, продуманные кем-то высшим, были великолепны. Но здесь их не сшивали и не украшали. Раскроенные, они лежали и ждали своего часа, тех, кто доделает работу так же хорошо, как те, что их подготовили.

В определённый момент, после «собеседования» с инструктажем, такую судьбу, не видимую человеческому глазу, давали в руки воплощающейся душе. Родившись, младенец криком порывался рассказать всем о своём даре, но ангелы-хранители легонько закрывали ему уста. Рано! Он должен ещё вырасти, душа его – подготовиться и созреть. К тому времени взрослеющий человек уже не помнил о предназначении. Знание это оставалось на уровне инстинктов, чтобы, когда придёт время, напомнить душе о сделанном когда-то высшем выборе. И сшить наконец самому свою судьбу да украсить по вкусу – и носить с удовольствием. Научиться их слышать и понимать через зрелую душу, подготовленный разум и земные возможности – это задача для всех и каждого из нас...

Рог изобилия

Жил-был Рожок Изобилия. Вообще-то Рог, только маленький ещё. Пополнялся он желаниями, сдобренными позитивными мыслями. И чем больше было радости и благодарности, тем быстрее он пополнялся – рос и взрослел.

Только пока всё это происходило небыстро и пополнений не хватало. Получалось так, что у людей было всё, кроме терпения: выхватывали свои желания сырыми, будто недопечённые пирожки или блины, недожаренные котлеты. А ведь именно заказчик доводит свои желания «до кондиции».

Вот и сейчас: желаний-то хватает, только тесто у этих пирожков не поднялось, а у кого-то и начинка вываливается. И уже недовольны: кто-то считает, долго, а кто-то разочарован результатом – кому же понравятся сырые пирожки?

Но Рожок любил свою работу и относился к ней исключительно ответственно. И вот, получив внушительную порцию благодарности от тех, кто сумел свои желания слепить и испечь, он стал кашеварить и раскладывать: пирожки – налево, блины – направо, котлеты – на верхнюю полочку, курочку и шашлыки – на нижнюю.

Он отправлял возможности тем, кто хотел и мог их увидеть, как и прежде. Но теперь он их ещё и расцветчивал играючи, заворачивал в подарочную бумагу, запускал фейерверки или добавлял звуковое сопровождение. Это могли быть и трели телефона, и сигналы почты или СМС, а иногда и шум на улице. Он извещал, что желание исполняется, только услышь знаки Вселенной: сирены, машины и людей. Были и опасности, и о них он извещал фальшивыми звуками или сбоями в планах.

И каково же было его удивление, что больше всего люди уделяют внимание сигналам, извещающим о проблеме. Они могли не верить в подарки, чаще всего не верили в чудеса, но в неприятности верили всегда. Складывалось впечатление, что они их ждали, чтобы удовлетворённо констатировать: «Я так и знал!» Даже в этом случае люди могли не увидеть предлагаемых возможностей, хотя просили их. Да и возникшая проблема привлекала много внимания, но вызывала лишь недовольство. И с детской непосредственностью он старался разбудить человека и заставить посмотреть по сторонам.

Но Рожок подрастал и делал свою работу со всё большей фантазией. Он радовался, когда удавалось донести информацию до человека, а главное, когда в итоге желания доводились до правильной «рецептуры» и получался нужный результат. Больше всего его вдохновляли радость и благодарность, они растили ему крылья новых возможностей, и он становился Рогом Изобилия.

Тому, кто прочтёт это письмо

«Человек! Будь Человеком! Смотри, какая жизнь кругом. Как она светится, играет красками. И сколько их, этих красок и оттенков, в своём разнообразии и великолепии. Как сложно порой понять, что есть добро, что – зло. В какой цвет окрасить то или иное событие. Только кажется, что всё просто и легко. А на самом деле...

Пойми, Человек: что правильно, а что неправильно – мы не можем знать. Мы не можем знать, почему происходит именно так, а не иначе. Это трудно переживать и ещё труднее понять, но когда-то ты оглянешься назад и... Единая картина во всех цветах, доступных не разуму, не чувству, а воображению, откроется перед тобой. Это будет прекрасно, глубоко и неожиданно. Возможно, правильно, возможно – нет. Но так, как должно быть.

Человек, остановись. Прямо сейчас подумай: как проходит жизнь твоя? Делаешь ли ты в ней то, что хочешь, к чему у тебя есть склонность? Понял ли ты, собственно, к чему у тебя склонность? Что ты любишь и можешь делать? Что делает тебя счастливым? Понял ли ты, что счастье – это не цель, а путь? Пока ищешь смысл – не забывай смотреть по сторонам, радоваться дороге.

И если ты живёшь рутинной, а не мечтой – знай, что есть наилучший момент всё изменить. Прямо сейчас. Это не письмо счастья, можешь не переписывать и не рассылать по десяти знакомым. Лучше подумай и реши для себя: что ты хочешь изменить? Созидать для Вселенной, для своего раскрытия и радостного пути? Пойми одну простую вещь. Ты имеешь право на это».

Это письмо лежало в бутылке, которую прибило к берегу Кипра. Был самый конец сезона, уже не купались. Раннее утро, никого, кроме молодой женщины, гуляющей вдоль берега, грустной и потерянной.

Всё складывалось как-то не так, совсем не о том... Она знала, что художник и рисует хорошо, и надо расти в этом. Но жизнь внесла свои коррективы. Помимо радости творить ещё нужно уметь выжить. Родители не приняли бы легко вольного художника. Хотя неизвестно наверняка. А она когда-то не стала приспосабливаться к их укладу. Стремясь выжить, обучаясь этому, не хотелось оставаться под бдительным оком. И она начала сначала, с пустого места.

Хотя что значит – с пустого? Образование, профессия есть, а это уже не пустота. Профессия... Совсем не творческая. Хотя место для фантазии можно найти где угодно. Какое-то время ей казалось, что не примириться ей с профессией. Потом отпустило. Это неправда, случайностей не бывает. Везде люди, пейзажи подкидывают идеи. Бери, пользуйся. Сублимируй, ищи своё счастье...

Она читала письмо со смешанными чувствами. Она была из того поколения, которое знает, что такое письма счастья. И это заставило её улыбнуться. Такое количество ответов на её вопросы. И самый главный ответ. Да, ты имеешь на это право.

Девушка выехала в город, нашла альбомы и краски. Накупила много, от души. Впереди было ещё почти десять дней. Возможно, то, что она попала сюда не в сезон, будет благом – можно переосмыслить, подумать. Она сидела на берегу и самозабвенно рисовала.

Первое время получались «абстракции» – какой-то выплеск эмоций, накипевшегося и наболевшего. Нет, не серым и чёрным. Цветами. Очень быстро стало больше ярких, радостных цветов. Потом она стала рисовать море. Пятьдесят, сто оттенков моря. И вот перешла на пейзажи.

У неё стали получаться прекрасные виды и в карандаше, и маслом. Работа приносила ей огромное удовольствие. И то, что не решалось по профессии, вдруг стало реальным. Как только из рисунков ушли упаднические настроения, стало словно само собой налаживаться и остальное. Называть ли это творчеством? Да, разумеется, это её творчество.

* * *

– Очень красиво. Почему бы не отправить на выставку современного искусства? – Мужчина стоял поодаль и рассматривал её работы.

– Техники не хватает, по ощущениям, – ответила она и улыбнулась: – И потом, что выставка? Одни инсталляции.

– Выставки разные бывают. И рисунка тоже. А техники всегда не хватает. «Не бойтесь совершенства, оно вам нисколько не грозит». Нароботается.

– А кто вы? – внезапно спросила она незнакомца.

– Художник. Как и вы. И по поводу техники я вам так скажу...

Они шли и беседовали, Солнце садилось. И её только сейчас охватила внутренняя уверенность. Всё будет хорошо.

Конфликт

– Ира, ты сейчас вытаскиваешь все силы для поддержания старого.
– И что, Таня?
– А то, что на новое ресурсов не хватает. Не думаешь ли ты, что должно быть что-то другое? Тем более что новые возможности не хотят кормить старые проблемы.
– Я прыгну туда, где всего хватает.
– И что ты будешь с этим делать?
– Там разберёмся. Пока я даже не знаю, как оно выглядит. Может, пойму, и удастся миром договориться?

– Интересные дела...

Катастрофа. Все, кто должен, молчат. Кредитов не дают. Сама у кого только не занимала. У всех свои трудности. А сил нет...

Если вытащить эмоции, останется ситуация. Что там за зверинец? Раздражение. Непонимание. Вина. Ну и так, по мелочи. Неудобно отказывать, отстаивать своё, манипулировать, провоцировать, задавать вопросы и получать ответ в нужный момент. Как выжила с такими ограничениями... Неудивительно, что взгляд затуманен и восприятие сбито.

Есть другой бизнес, он интересен. И развивается. Но ещё в начале и не может обеспечить все потоки: информационные, денежные, временные, энергетические. Да и не должен. Сам нуждается во внимании.

И загнанная молодая женщина, не договорив с приятельницей, вышла через окно во временную бездну.

Для Ирины, собственно, ничего не изменилось. Оно и понятно. Первый этаж – в любом случае не попытка суицида.

– Чего добились? – спросила заместитель Татьяна и в этой реальности.

– Вопрос, конечно, интересный... Помогай.

Да изменилась ли ситуация?

– Нет уж, Ирочка, сама, – покачала головой та. – Мы решали, куда вы с мужем поедете отдыхать. Кипр, Крит, Куба, Таити... Что ты думаешь теперь по этому поводу?

– Что это круто – выбирать из возможностей, а не искать постоянно деньги.

– Это да. Сейчас за тобой бегают, уговаривают. На всё хватает с избытком.

– Кредиты?

– Какие ещё кредиты? – рассмеялась Татьяна. – Инвестиции. Сделки. Прибыль. Работа в англоязычных проектах и журналах. А уж сколько желающих для тебя шить, убрать, приготовить... Вот сидим и разбираем бесконечные списки.

– Кажется, я поменяла реальность.

– Это бывает. Что ж, Ирина Ивановна, иди, дела не ждут, времени мало. Всё это здание – твоё. Со всеми фирмами, ресторанами, агентствами. Вероятно, ты не знала этого.

– В какой момент всё переменялось?

– В тот миг, когда ты решила, что конец. Это было начало.

– То есть сейчас кто-то что-то предложит?

– То есть сейчас ты увидишь выход.

– А это кто у нас такой? Зверь, похожий на огромного нестриженого чёрного терьера?

– Это твой ручной Конфликт. Помнишь?

Зверь принялся, шурился. Явно чуял подмену.

– Ручной? – Ирина почесала за ушами пса. Тот попытался уткнуться в руки носом. Только глазищи огромные. – У страха глаза велики. Место!

Пёс стал даже меньше и размытее, жалобно заскулив, лёг и закрыл нос лапами.

– Вроде не ударила его, – зашевелилось «неудобство» в Ириной душе. Зарычал Конфликт из угла. И вновь собрался.

– Место! – призвала к порядку.

Татьяны уже не было, ушла работать в кабинет. И его контуры менялись по её вкусу.

– Шеф! Нам опять деньги предлагают! И в таких количествах... – влетел кто-то из подчинённых. Кинул взгляд на неё, потом на Конфликт в углу, оценивая его. – Ой, вы не в духе сегодня. Извините.

Ирина услышала свой голос, спокойный и уверенный:

– Всё в порядке, в духе. Отказывай, если некуда. Ты же знаешь.

– Очень просят вас помочь. Работа на Майорке, предоплата за полгода. Уже надо и публицити. Вы недавно говорили, что это будет...

В кабинет заходили ещё незнакомые люди.

Вместо той Ирины ситуация приняла другую, только повзрослевшую и успешную. Гостья поздоровалась с Татьяной здесь.

– Ну что тут у неё?

– Опять по сусекам скребёт. Есть долги ей и её, и не стыкуются они. Кассовый разрыв, в общем. Нервничает.

– А что с этим? – Гостья щёлкнула пальцами. В воздухе замаячили заказчики, переговоры, запах грозой. Появился пёс.

– А ничего. Её уже и так и этак втягивают в прояснение условий. Всё в мечтах договориться, не продавливая. – Татьяна немного раздражённо пожала плечами. – Время жёсткое. Продавливают её.

– Поняла, – кивнула гостья. И взяла телефон со стола.

Переговоры она вела легко, играючи, но предельно точно.

– Что ж, тогда ничего я не переделаю. Мало ли что говорила. Вы тоже обещали оплату. И снова – завтраки.

– Нет, не приму. По предоплате если. Так, а вот за эти инсинуации ещё и цену подниму. Хватит совести, хватит.

– Нет, не понимаю. У меня свои резоны. А давайте я лучше загружу своими проблемами... и посмотрим, у кого круче... Или так, или никак.

За час она управилась со звонками. А миражный Конфликт ластился к её ногам. Она почесала его за ушами.

– Ладно, пусть будет по-вашему, – услышала она в трубке от одного. – Тогда в понедельник...

– Нет, сейчас, – спокойно, мерно ласкала Ирина пса.

– Ничего не случится, если вы немного подождёте, – говорил другой.

– Конечно, ничего, – покладисто соглашалась Ирина. – Но и вам сделаю работу после получения. Нет, в таком тоне разговаривать вы со мной не будете.

Пёс зарычал в её поддержку.

Через час зачирикали СМС с зачислениями денег.

– Вот и всё, – зашла Ирина к Татьяне. – Поток я запустила снова. Дальше ей самой справляться.

– А ты-то далеко ушла? – улыбнулась та.

– Думаю, достаточно далеко. Я по другую сторону проблемы. Куда девать излишки. Это ведь стороны одной медали. Решаю, куда поехать отдохнуть. В идеале – совместить с работой и подольше в тёплые края, к морю.

– А Конфликт? Вырос?

– Нет, в одной поре. В спортивной форме, тренирую. – Гостья пожала плечами.

– Молодчина.

– Благодарю. Не без твоей помощи. Ладно, меняемся. А то она мне там Майорку сорвёт.

Татьяна усмехнулась:

– Откуда ты знаешь, что Майорка?

Гостья хитро улыбнулась и показала на экран перед собой, на месте Конфликта. Там горели «звонок» и слово «Майорка».

– Я позаботилась о потоках: информации, финансов, энергии. А Конфликт разрешили, собственно. – И Ирина Ивановна вышла в окно.

И вошла к себе. Никто ничего не заметил. Лишь Конфликт успокоился, уменьшился. Узнал хозяйку.

– Берём Майорку. Мне интересно.

Несколько человек в кабинете кивнули. О чём тут спорить?

Экономисты, юристы, маркетологи, компьютерщики, секретарь и заместитель приняли проект в работу, стали, не сходя с места, разрабатывать техническое задание для согласования с заказчиком.

Ирочка, помолодевшая, слегка сбитая с толку происходящим, немного промахнулась при возвращении в своё пространство. Загнанности уже не было, только безумная усталость и клонило в сон.

Звонкий лай не давал отключиться... а очень хотелось... В этой яме, куда она провалилась и лежала под бетонной плитой, было душно и темно. Пёс лаял, рыл лапами землю рядом, тянул за край одежды и даже немного сдвинул тяжёлую «крышку». Может, хотел позвать на помощь, но рядом никого не было.

Пронзило понимание. Это не просто плита. Это её убеждения. Все её «неудобно» и «почеловечески» без оглядки – уместно ли это?

Шаг за шагом она выбиралась, медленно, но верно. Пока переосмысливала и двигалась, пёс молчал. Но как только замирала – заливался лаем. И вот выбралась, целая и здоровая, только перепачканная. Да уж, вид... не для слабонервных...

В яме остались её страхи, неуверенность, попытки уступить всем без разбора и неукротимое желание спать.

Пёс бежал через археологический парк, между раскопок, развалин и склепов и по-прежнему не давал передышки. Дошли до служебного помещения, где можно было посидеть на скамеечке, умыться и попить водички. За этим строением были развалины, похоже, когда-то богатого дома. Может, тут и клад есть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.